

Анна Моц

ПСИХОЛОГИЯ
ЖЕНСКОГО НАСИЛИЯ
Преступление против тела

Анна Моц

**Психология женского насилия.
Преступление против тела**

«Когито-Центр»

2008

УДК 159.9
ББК 88

Моц А.

Психология женского насилия. Преступление против тела /
А. Моц — «Когито-Центр», 2008

ISBN 978-0-415-40387-0

Книга исследует природу и причины женского насилия с точки зрения психодинамической теории и судебной психологии. Представлено теоретическое обобщение недавно произошедших, ставших общеизвестными случаев насилия женщин над собой и над детьми наряду с обсуждением разнообразного клинического материала и влияния веб-сайтов, пропагандирующих анорексию и булимию. Особое внимание уделяется вопросам разработки терапевтических услуг для женщин в закрытых психиатрических учреждениях. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-0-415-40387-0

© Моц А., 2008
© Когито-Центр, 2008

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие к первому изданию	9
Предисловие	12
Благодарности	14
Разрешения	16
Введение	17
Определение насилия	18
Клинический контекст	19
Конфиденциальность и анонимность	19
Главная цель книги: вызов отрицанию женского насилия	21
Модель женского извращения: концептуальные основы	23
Язык тела	24
Альтернативные модели женского насилия	25
Структура второго издания	26
Часть I. Насилие в отношении детей	26
Часть II. Насилие, направленное против самой себя	28
Часть III. Насилие над другими	29
Часть IV. Клиническое применение	29
Заключение	30
Часть I. Насилие в отношении детей	31
Глава 1. Истоки материнского насилия. Женские перверсии	31
Введение	31
Природа женских перверсий	32
Перверсия как эротическая форма ненависти	33
Истоки нарушенного материнства	34
Обсуждение	38
Бессознательные фантазии в период беременности	38
Промискуитет и беременность	40
Передача нарушенных моделей привязанности	41
Глава 2. Женское сексуальное насилие над детьми	43
Женское сексуальное насилие над детьми: абсолютное табу	43
Определение сексуального насилия, совершенного в отношении детей	45
Психологическое влияние материнского сексуального насилия	47
Обсуждение	53
Перверсия как защита от депрессии	53
Значимость приведенного случая для эмпирических исследований преступлений сексуального характера, совершаемых женщинами	56
Заключение	66
Глава 3. Материнское физическое насилие	68
Классификации материнского насилия	70
Садистичные матери	71
Наслаждение жестокостью	71
Роль свидетельских показаний эксперта	74

Конец ознакомительного фрагмента.

77

Анна Моц
Психология женского насилия.
Преступление против тела

© Anna Motz, 2008

Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

© Когито-Центр, 2021

* * *

Памяти Ганса и Лотте Моц

Предисловие к русскому изданию

Моя жизнь оказалась переплетена с книгой «Психология женского насилия: преступление против тела» и ее автором Анной Моц в период обучения в Московском институте психоанализа и написания выпускной квалификационной работы. На тот момент достойных материалов о женском насилии на русском языке мне не встретилось. По рекомендации моего учителя, аналитика Нины Кузьминичны Асановой, я заинтересовалась работами Анны Моц, прочитала ее книгу, познакомилась с самим автором.

Несколько слов об Анне Моц. Она является клиническим психологом, психоаналитическим психотерапевтом, судебным психодинамическим психотерапевтом, экспертом Оксфордского центра психического здоровья, психоаналитиком Портманской клиники (Лондон), экс-президентом и членом международной ассоциации судебной психотерапии (IAFP), членом Тавистокского общества психотерапевтов и Международной психоаналитической ассоциации (IPA). А еще она проявила себя необыкновенно смелым человеком, обладающим исключительным психотерапевтическим талантом.

Работа Анны Моц оказалась поразительно близка нашей российской действительности. Проблемы женщин в системе правосудия в России мало чем отличаются от того, с чем сталкиваются женщины других стран, с тем лишь отличием, что у нас данное явление находится под куда большим гнетом табуированности и замалчивания. Российские дети также сталкиваются с жесточайшим сексуальным, физическим и эмоциональным насилием, которое, как правило, остается нераспознанным. Точно так же женщины, совершившие правонарушение, до недавнего времени рассматривались как чудовищные, злобные создания, которые достойны только порицания и жесткого наказания. Женщины получают наказание за свое злодеяние, будучи не в силах справиться с факторами, вынуждающими их совершить его, и данная ситуация напоминает бег по кругу без возможности для женщин выйти за пределы цикла насилия. И это как раз то явление, которое рассматривает автор в своей интересной и очень важной работе.

Анна Моц раскрывает важнейшие моменты работы с женщинами, склонными к насилию. Она утверждает, что женщины, которые неспособны проявить свои негативные чувства по назначению, вовне, обращают их против себя, используя для этого свое собственное тело и тела своих детей и близких как нарциссические расширения. Это становится их главным оружием и основным способом донесения до окружающих глубины их бедственного положения, что оказывается «последним аргументом» после того, как их крик о помощи был не услышан или проигнорирован. Поэтому женщины, совершившие преступление, нуждаются скорее в помощи, нежели в наказании. Анна Моц показывает также, что признание женщины «сумасшедшей» в силу истеричной природы ее женственности неуместно и очень вредно, так как это скрывает истинную картину тех ужасающих условий, в которых находится женщина, решившаяся на проявление агрессии. Также она рассказывает о межпоколенческой передаче паттернов агрессивного поведения, о цикле насилия, из которого женщине крайне непросто выйти самостоятельно.

В силу этого огромную ценность приобретают отмеченные ею особенности работы персонала, задействованного в уходе за такими пациентами. Вникая в суть представленных автором клинических случаев, мы можем почувствовать себя на месте этих женщин-преступниц, побывать как в роли жертвы, так и в роли преследователя, проникнуться ситуацией их жизни и по возможности понять их поступок как крик о помощи, как призыв спасти их от непереносимых и безвыходных условий существования.

Как коллега по профессии я бесконечно благодарна Анне Моц за бесстрашие, пронизательный ум и корректность, с которыми она разрабатывает тему женского сексуального насилия. Несмотря на то, что тема активно замалчивается и игнорируется, Анна Моц раскрывает

ее тонко и деликатно, подводя читателя к мысли, что это явление существует и не является редким, а потому о нем нужно знать, отставив в сторону защищающие нас от боли и шока рассуждения об идеализированном материнстве, предрассудки о чудовищности этих женщин, о том, что в насилии всегда виновен только мужчина, а также недостаточно обоснованные теории об истерической природе женщин.

Книга Анны Моц незаменима для психотерапевтов и для всех работников пенитенциарных учреждений, где ведется работа с людьми, совершившими правонарушение. Я уверена, что данная книга крайне важна и для людей, пока никоим образом не связанных с системой уголовного преследования, и прежде всего для женщин, оказавшихся в невыносимых условиях. В данной работе они найдут уникальный материал и идеи, которые окажут незаменимую поддержку на их непростом пути восстановления собственной жизни. Не менее важна книга и для специалистов – воспитателей, учителей и врачей, которые первыми сталкиваются с признаками насилия, а также для психологов и социальных работников. Вот слова одной моей коллеги, ознакомившейся с рукописью перевода: «Книга потрясает как дерзостью поднимаемой темы, так и тяжестью обнаженных в своей горечи женских и детских судеб. Наверняка только человеку с большим и чутким сердцем под силу освещать столь болезненную тему с вниманием и уважением к происходящему, каково бы оно ни было. Книга вполне может стать терапией для людей, живших или живущих сейчас в ситуации сложных, конфликтных, порой невозможных для понимания и осмысления взаимоотношений в семье, особенно отягощенных присутствием психических нарушений у кого-то из членов семьи. Однако это лекарство стоит принимать малыми дозами и желательно под наблюдением специалиста. Говорю как человек, успешно прошедший терапию, с уважением и благодарностью автору».

Данная работа ломает привычные стереотипы, бросая вызов не только узким специалистам. Также она предлагает выбрать верную стратегию поведения всем сопричастным, разглядывая постоянно повторяющийся цикл насилия за устоявшимися дефинициями преступника и жертвы в контексте ужасающих материнских извращений.

И в заключение еще раз хочется выразить благодарность Анне Моц. Ее книга – важный источник информации для всех профессионалов, взаимодействующих с женщинами, склонными к насилию. Это замечательная работа, и я горжусь тем, что имею к ней некоторое отношение.

*Екатерина Вейцман,
детский психоаналитический психотерапевт, член Европейского общества
травмы и диссоциации (ESTD)*

Предисловие к первому изданию

Я познакомилась с этой книгой и ее автором Анной Моц, когда та присоединилась к одному из первых дипломных курсов по судебной психотерапии, который я открыла в Портмановской клинике. На учеников всегда возлагаются большие надежды, все они мужественно и ответственно трудятся, но немногие становятся авторами книг, которые значительно продвигают понимание выбранной нами психотерапевтической области. Анна Моц – одна из таких немногих.

Как врач, обладающий подлинным талантом и смелостью, Моц дает нам, своим коллегам, много нового и ценного материала, касающегося работы с агрессивными женщинами. По ее мнению, женщины, которые не могут выразить вонне чувства разочарования и гнева, «используют собственное тело как наиболее мощное средство связи с окружающими и как свое главное оружие». Моц добавляет новое толкование понятия «самоповреждение», утверждая, что это «защита от вторжения, в котором женщина использует свое собственное тело, исключая при этом других».

В книге представлены случаи женщин, как завершивших лечение, так и находящихся в процессе реабилитации в связи с преступлениями, связанными с насилием против собственного тела, тел своих детей или тел партнеров. Описание Моц судебной экспертизы и профессионального взаимоотношения персонала, работающего в этих учреждениях, является ключевой частью вклада, который она вносит в наше понимание этой наиболее болезненной области судебной психотерапии.

Существует всего несколько сотен задокументированных примеров извращенного материнства. Однако шокирующее, вызывающее страх и замешательство, поведение таких матерей имеет чрезвычайно большое влияние. Оно отражается на их невинных и беспомощных жертвах, на растущем числе продажных и морально разлагающихся семей и сообществ, на всем обществе в целом. И это не только клинические сложности – это социальные, моральные, культурные, уголовные, правовые и бюрократические аспекты, затрагивающие почти каждого человека.

Как коллега по профессии я благодарна Анне Моц за описание психодинамики жены, которую избивают и которая затем становится мужеубийцей, и за описание того, как партнеры воспроизводят свои собственные подсознательные желания поменяться ролями. Долгосрочные эмоциональные и поведенческие последствия того, что дети стали свидетелями и жертвами родительского насилия, а также уязвимость самого обидчика-женщины описываются тонко и деликатно.

Моц предоставляет нам, своим коллегам-клиницистам, превосходные тематические исследования, теоретические рассуждения и профессиональные идеи. Но ее выводы и опасения выходят за рамки нашей профессии. За спокойным профессиональным голосом скрывается страстный призыв к врачам, с которыми мы сотрудничаем, незамедлительно проявить повышенное внимание к данной теме.

Теперь мы понимаем, что женское насилие было с нами в различных формах на протяжении всей истории человечества, но только в последние двадцать лет нашло место в психологической, социальной и политической повестке дня. Даже сейчас в этой теме наблюдается крайняя путаница, особенно в бульварной прессе и у широкой публики. Моц показывает, что слишком часто профессионалы, принимающие решения о будущем извращенных матерей и их детей-жертв, движимы своими собственными бессознательными ожиданиями, предрассудками, политическими требованиями, а также недостаточной профессиональной компетенцией. По этой причине хотелось бы раздать копии этой книги каждому депутату, социальному работ-

нику, редактору бульварной прессы, местному руководителю, профессионалу, осуществляющему уход за людьми, юристу и полицейскому.

Очевидно, что книга, предназначенная в основном для врачей, не может влиять на решения, базу для принятия которых Моц так взыскательно и чутко документирует. При этом, поместив истории болезни в контекст межведомственного и внутриведомственного принятия решений, она освещает область судебной психотерапии очень глубоко и по-новому.

Как судебные психотерапевты мы обязаны давать объективные оценки рискам, которым жестокие матери подвергают себя, своих детей и общество в целом. Анна Моц, осознавая свою женственность, границы собственного тела, выражает личную эмоциональную реакцию на преступников и на их несчастных жертв. В центре внимания Анны будущее детей, подвергшихся жестокому обращению, а также стратегии по защите невинных людей, оказавшихся в трагической ситуации. Вместе с ней мы чувствуем тревогу и гнев в отношении лиц, принимающих в нашей сфере неадекватные решения.

Тематические исследования показывают, что жестокие и развратные матери сами подвергались серьезному сексуальному и/или физическому насилию. Во всех без исключения случаях извращенное насилие, совершенное женщинами, является результатом их собственного раннего опыта депривации и жестокого обращения. Следовательно, важность разработки и внедрения комплексных и деликатных лечебных программ для таких женщин неоспорима.

Существующие программы лечения, как правило, терпят крах, так как работают с последствиями предрассудков, проистекающих из разницы в нашем отношении к жертве и преступнику. Обычно внимание направлено на неизбежный цикл насилия, к которому прибегают представители обоего пола, но жертвами по-прежнему считаются женщины, а виновными – мужчины. Эта книга открывает нам новые горизонты, предоставляя свежее и смелое понимание страданий детей, которые из поколения в поколение причиняют им отчаявшиеся женщины, сами оказавшиеся в свои ранние годы жертвами жестокого обращения, и лишений.

Помимо неадекватности имеющихся программ лечения правонарушителей, стоит вопрос о несостоятельности существующих программ ухода и защиты для жертв, которые без надлежащего и всестороннего понимания могут легко стать преследователями.

Социальным работникам и психиатрам часто не остается ничего, кроме как еще больше укреплять и даже усугублять жестокое обращение и депривацию своих подопечных, в связи с чем перед врачами и лицами, принимающими решения, встают порой поистине чудовищные проблемы. Они могут не иметь выбора и отправляют десятилетнего ребенка, который подвергся жестокому обращению со стороны своей матери, на попечение местных властей и правоохранительных органов. Но как быть с тем, что именно в этой самой системе извращенная мать сама подверглась насилию и извращениям? Вот почему ситуация подталкивает нас в конце концов к необходимости создания такой «системы» (частью которой мы все являемся), позволяющей научиться отвечать на трагические дилеммы, с которыми мы сталкиваемся.

В этом контексте все мы должны участвовать в принятии решений и реализации стратегий, которые наше общество разрабатывает для решения совершенно новой проблемы, стоящей отныне на повестке дня. Это вызов всем нам, работающим в области медицины и ухода за больными, и особенно тем из нас, кто несет ответственность за определение правильного социального поведения и стратегий общества в работе с такими редкими, но страшными материнскими извращениями.

В заключение скажу, что у нас, коллег Анны Моц по судебной психотерапии, есть повод быть благодарными ей за создание такого интеллектуально содержательного и легкого для чтения труда, внесшего большой вклад в наши клинические знания о сложных корнях женского насилия.

Автор сделала даже больше, чем велит ей ее профессиональный долг. Она выявила системные проблемы, с которыми извращенные матери сталкиваются в наших клинических,

социальных и уголовно-исполнительных программах. Таким образом она поспособствовала расширению знаний общества по этому важному вопросу в целом.

Эстела Вэлдон

доктор медицины, почетный доктор естественных наук; сотрудник Королевского колледжа психиатров, психиатр-консультант, психотерапевт в Клинике Портмана, почетный старший преподаватель судебной психотерапии в Университетском колледже Лондона

Предисловие

Взаимодействие права и психиатрии – увлекательная территория для исследований и одно из самых интересных направлений юридической практики. Еще двадцать лет назад в английском суде даже представить себе не могли, чтобы психиатрическая медицина или психологические науки заняли место в зале суда, – разве что в случае, если человек являлся сумасшедшим согласно известным «Правилам М’Нотена» (M’Naughten Rules) или страдал отклонением от нормы, которое уменьшало бы его ответственность за убийство. В остальных случаях суды не хотели доверять психиатрам.

Однако все изменилось. Я работала в системе уголовного правосудия более тридцати лет, и многие из моих дел были связаны с женщинами, которые совершили насилие. В результате у меня возникли тесные связи со многими психиатрами, которые помогли мне понять мотивацию и лежащие в основе преступлений психологические процессы. Благодаря работе таких преданных своему делу профессионалов, как Анна Моц, произошла революция в понимании данного феномена.

Большинство женщин, попавших в суд по обвинению в совершении уголовных преступлений, сталкиваются с жестокой реальностью двойного набора предрассудков. Насилие неизменно вызывает желание наказать за него как мужчин, так и женщин, но женщины, находящиеся под судом, сталкиваются с дополнительным клеймом как не оправдавшие надежд общества на то, что они станут «хорошими женщинами». Инфантицид, нападение на ребенка или на кого-либо еще – это вызов тому, чего мы обычно ожидаем от женщин. Суды часто особенно строго наказывают агрессивных женщин.

Долгое время обеспечение справедливости для женщин, убивших своих партнеров, даже когда имела место долгая история домашнего насилия, было сопряжено с трудностями. При том почти неизменно сами эти женщины оказывались жертвами либо насилия в детстве, либо еще какой-то формы жестокого обращения.

Боль наших клиентов потребовала кардинального сдвига в юридической сфере. Ошибки правосудия указывали на недостатки закона и демонстрировали, что уязвимые люди могут признаваться в преступлениях, которых они не совершали. Неправомерные осуждения показали, что оправдательные нормы закона больше создавались для мужчин. Провокация как защита часто не принималась в расчет для женщин, потому что перед лицом провокативного акта они не действовали немедленно, а испытывали замедленную реакцию ярости. Женщин, убивших своих детей, переполняло чувство вины и отрицание неспособности соответствовать женскому идеалу. После серьезных ошибок судебная система оказалась способна с большей готовностью признать, что суды могут извлечь выгоду из помощи тех, кто лучше понимает условия жизни человека и закономерности его психики. Как следствие, такие юристы, как я, смогли работать в сотрудничестве с психиатрами, психотерапевтами и другими специалистами для повышения осведомленности судов о том, почему женщины совершают насильственные преступления. В результате мы смогли добиться для них лучших решений.

На протяжении многих лет я писала о сильном прессинге, который заставляет женщин убивать либо своих детей, либо своих партнеров. Недавно я провела межвузовский опрос для Королевского колледжа педиатрии, где проследила истории внезапных ранних детских смертей, после которых группа женщин оказалась признана виновной в убийстве своих младенцев «на основании пониженной ответственности». Общественные ожидания по отношению к женщинам по-прежнему сильно отличаются от ожиданий по отношению к мужчинам, в то время как поведение женщин во многом зависит от их развития и социальной ситуации. Разобраться в этих тонкостях с помощью профессионалов – лучший способ обеспечить правосудие для всех, кого это касается, включая тех, кто стал жертвами таких преступлений.

Представленная здесь научная работа Анны Моц – жизненно важный источник информации для всех профессионалов, взаимодействующих с женщинами, склонными к насилию. Это замечательная книга, и я горжусь тем, что имею к ней некоторое отношение.

Баронесса Хелена Кеннеди
королевский адвокат

Благодарности

Желание написать эту книгу сформировалось у меня под влиянием клинической работы с множеством женщин, рассказывавших мне в течение последних восемнадцати лет об их собственном опыте – как в качестве жертв, так и в качестве виновников насилия. Я в долгу перед этими женщинами, чья откровенность, стойкость и красноречие вдохновили меня на то, чтобы попытаться понять причины их насилия.

В этом мне помогли курсы судебной психотерапии в Клинике Портмана, особенно взаимодействие с Эстелой Вэллдон, Дональдом Кэмпбеллом, Робертом Хейлом, Марианной Парсонс и Энн Захари.

Работы Хелены Кеннеди вдохновили меня содержащейся в них четкой критикой системы уголовного правосудия в отношении женщин-преступниц. Я очень благодарна ей за новаторские идеи.

Я благодарна также клиническим психологам Хелен Либлинг, Жаки Сараджян и Кэролайн Лавлок за чуткое понимание и освещение вопроса женского насилия. За внимательное чтение и глубокие комментарии хочу поблагодарить Тину Бейкер, Джоанну Баррелл, Теда Коулмана, Джеки Крейссати, Пола ван Хисвика, Бретт Кар, Памелу Кляйнот, Кейт Ив, Сэлли Лейн, Изабель Мензис Лит, Пола Монтгомери, Шейлу Редферн, Джеки Шорт, Майю Туркан, Джейн Ашер, Элайзу Вайнер и Эстелу Вэллдон.

Я очень благодарна моей покойной матери, Лотте Моц, чей интерес к моей работе и умные, пронизательные и честные комментарии к первым главам были неоценимы; ее интерес и участие в этом исследовании были очень значимыми. Я в большом долгу перед моим супругом Найджелом Уорбертоном за его поддержку, энтузиазм и множество тонких комментариев, которые очень помогли мне на всех этапах написания книги. Я многим обязана также своему дяде Герберту Эдлису за его поддержку и интерес на протяжении всего этого проекта.

Я хочу поблагодарить Пола Валентайна, библиотекаря West London Mental Health NHS Trust, за большую помощь в получении многочисленных журнальных статей для этого исследования, а также Шарлотту Кулдри за аналогичную помощь в Оксфорде.

За моральную поддержку и интеллектуальное участие в этом проекте я также благодарю Жана Баррелла, Ричарда Беккетта, Гэвина и Маргарет Картледж, Денайза Каллингтона, Сару дю Фе, Сьюзан Эдлис, Мэгги Фишман, Элизабет Грокатт, Тиррилу Харриса, покойную Кейт Хилл, Пэтси Холли, Дэвида Киркби, Дэвида Макмахона, Гарриет Монтгомери, Миссис Миллс Бертон, Айена Очилтри, Лизу Робинзон, Бена Росса, Филипа Ройса, Дэвида Шелтона, Джули Тартаковер, Кейт Томпсон, Сью Торп, Мэриан Воснер, Филиса Вайнера и Саскию ван дер Зи. Я благодарна Шону Хэнду за его понимание связи между насилием и сентиментальностью. Особую благодарность я выражаю Ханне и Джошуа Уорбертонам за их любовь, терпение и юмор.

В области судебно-медицинской экспертизы меня очень вдохновили и воодушевили члены Международной ассоциации судебной психотерапии: я многим обязана друзьям и коллегам в Исполнительном совете, особенно Энн Айегбаси, Джону Адламу, Тилману Клаттигу, Джиллу МакГоли, Кэрин Минн, Гвен Эдшид, Рейнмару дю Буа и Михаэлю Гюнтеру, а также многим другим. Недавние вдохновляющие дискуссии с моими товарищами – стажерами, супервизорами и преподавателями междисциплинарного учебного курса психоаналитической психотерапии в Тэвистокской клинике помогли мне углубить мое понимание аналитических идей, переформулировать мои мысли, и обратиться ко второму изданию с обновленным пониманием и энергией.

Я благодарна редакционной группе издательства Тейлор и Фрэнсис, особенно Пенелопе Олпорт, чью невероятную оперативность, чуткость и внимательность при редактировании вто-

рого издания я оценила очень высоко; а также – Имоджену Берчу, Элисон Диксон, Джоанне Форшоу, Саре Гибсон, Дону Харрису, Кейт Хоуз, Фрэнку Перту и Вивьен Уорд. Я также благодарю Майкла Соломонса за составление указателя ко второму изданию.

Я благодарна компании Карнак Букс (Karnac Books) за разрешение перепечатать главу «Работа с женщинами, которые убивают», и особенно благодарна за помощь Бретту Кару и Оливеру Рэтбоуну. Я благодарю Издательство Джессики Кингсли (Jessica Kingsley Publishers) за разрешение переиздать главу «Прячась и теряясь», а также автора, чье имя я не называю, за разрешение воспроизвести ее стихотворение «Отражения в зеркале».

Я особенно благодарна Эстеле Вэлдон за огромную силу и поддержку. Ее интереснейшая работа, неукротимый дух и личная помощь были бесценны как в этом, так и в других проектах. Она остается подлинным светочем в этой области.

Я остаюсь в глубоком долгу перед моими покойными родителями Лотте и Гансом Моц, которые были увлеченными и вдохновляющими других учеными.

Разрешения

Глава «Работа с женщинами, которые убивают» воспроизведена с любезного разрешения издательства Карнак Букс. Эта глава впервые появилась в отредактированной книге Рональда Доктора «Убийство: психотерапевтическое исследование», опубликованной этим издательством в 2008 г.

Глава «Прячься и теряйся» воспроизведена с любезного разрешения Издательства Джессики Кингсли. Часть этой главы впервые появилась в книге Никки Джеффкоут и отредактированной книге Тессы Уотсон «Терапевтическая работа с женщинами в учреждениях закрытого типа», опубликованных этим издательством в 2004 г.

Стихотворение «Отражения в зеркале» воспроизведено с любезного разрешения автора.

Введение

*Некоторые из нас используют тело, чтобы передать то, для чего
они не могут подобрать слов.
(Hornbacher, 1998, p. 125)*

В своей книге я исследую психологию агрессивных женщин, особо отмечая связь между поведением взрослых и их детским опытом. Я выделяю психологические и социальные функции и смыслы насилия, а также представляю психодинамический взгляд на женское насилие, используя для иллюстрации теории материалы конкретных дел. Я описываю акты насилия, совершаемые женщинами, дабы выявить те особенности, которые присущи именно женщинам. В новаторской работе Эстелы Вэлдон о женских извращениях «Мать. Мадонна. Блудница. Идеализация и обесценивание материнства», впервые опубликованной в 1988 г., эта задача занимает центральное место, поскольку она обеспечивает концептуальную основу для понимания того, как развитие и биология женщины влияют на эволюцию извращенного и агрессивного поведения.

Я представляю психологическую модель понимания женского насилия, подчеркивая его функцию и значение насильственного акта, а также, где это уместно, результаты лечения. Уникальное положение женщин требует учета их опыта, всегда индивидуального, с акцентом на извращения и преступления, которые обычно совершают женщины. Женщина использует свое тело как самое мощное средство общения и как сильнейшее оружие. В каком-то смысле она «пишет» на своем теле некий призыв, чтобы выразить протест, позвать на помощь и вообще – передать масштаб своей трагедии. Данная книга предназначена для введения читателей в эту малоизученную область и ознакомления их с моделью судебной психотерапии, которая предлагает теоретический и клинический подход к пониманию динамики насилия и преступности.

Определение насилия

Важно понимать, что подразумевается под насилием. Насилие можно рассматривать как потерю контроля над агрессивными импульсами, ведущую к действию (Shengold, 1999, p. xii). Центральное место в определении насилия занимает наличие акта причинения физического вреда. В этой книге я сосредоточилась на насилии, направленном против людей, а не против объектов.

Корни насилия связаны с неспособностью осмысливать ни свое собственное развитие, ни душевное состояние других людей, а потому то, о чем слишком больно думать, может быть просто деактивировано. Фонаги и Таргет высказали предположение, что эта проблема вызвана враждебностью матери по отношению к младенцу, из-за чего ему трудно понять намерения и чувства матери. И это, разумеется, связано с насилием:

Насилие, агрессия, направленная против тела, может быть тесно связана с отсутствием ментализации, поскольку недостаточная способность думать о психических состояниях может вынуждать людей выражать мысли, убеждения и желания в физической форме, в первую очередь – в сфере телесных состояний и процессов.

(Fonagy, Target, 1999, p. 53)

В процессе работы особенно важно изучать внутренние бессознательные конфликты, которые отражаются во внешнем проявлении насилия: основное внимание я уделяю внутреннему миру жестоких женщин. На протяжении всей книги я выделяю провокационные и неугодные акты насилия. Я использую слово «преступление» как буквально, так и метафорически.

Клинический контекст

Я клинический и судебный психолог, работаю в судебной психиатрии и психологической службе на базе регионального закрытого лечебного отделения, осуществляю экспертизу и лечу стационарных и амбулаторных пациентов. Женщины, с которыми я познакомилась в клинических условиях, были направлены в отделение уголовными и гражданскими судами, социальными службами, службами условно-досрочного освобождения или психиатрическими службами. Конечно, в описании групп женщин порой прослеживаются крайности, ведь женское насилие, по сути, остается неизвестным, однако, чтобы пролить свет на явление в целом, важно изучить и экстремальные примеры агрессивного поведения. Хотя многие из женщин, которых я вижу, пришли к нам через систему уголовного правосудия, не все они являются преступницами. Некоторые, возможно, и совершили преступление, но не были осуждены. Вместо того чтобы сосредоточиться на криминальном прошлом женщин, я направила свое внимание на общие моменты женского насилия, обратившись к насильственным преступлениям, которые обычно совершают женщины. Не все виды насилия, обсуждаемые в этой книге, противоречат закону, например, самоповреждение и нервная анорексия, но образно я называю их преступлениями против тела, актами насилия над собой.

Конфиденциальность и анонимность

Теоретические положения я проиллюстрировала в книге анонимными материалами дел, считая их бесценным источником информации о женском насилии. Эти материалы взяты из моего клинического опыта работы с женщинами как в стационаре, так и в амбулаторных психологических и психиатрических службах. Кроме общеизвестных случаев, о которых уже сообщалось публично, я повсюду изменила данные клиентов для сохранения их конфиденциальности и анонимности. Помимо работы в национальной службе здравоохранения, я имею частную практику и принимаю женщин (которые ранее могли не контактировать с психологическими или психиатрическими службами) для оценки состояния ребенка в контексте процессуальных действий и уголовных дел. Я включила в обсуждение анонимные материалы, взятые из этих случаев. Таким образом, клинический материал заимствован из широкого диапазона экспертиз и протоколов лечения женщин за восемнадцатилетний период. Некоторые истории представляют собой совокупность двух или более различных случаев, связанных с клиническими ситуациями, с которыми я столкнулась. Хотя я и изменила данные конкретных женщин и подробности их ситуаций, которые позволили бы их идентифицировать, я попыталась сохранить основные черты, которые наиболее ярко иллюстрируют природу женского насилия.

По сравнению с традиционной продолжительностью лечения в психоаналитической терапии, лечение, которое предлагаю я, носит краткосрочный характер: самое длительное лечение, как правило, не превышает по срокам двух – трех лет и проводится с частотой один раз в неделю. Хотя моя работа и основана на идеях психоанализа, я не собираюсь утверждать, что клинически описанная здесь работа представляет собой аналитическую психотерапию в традиционном смысле этого слова. Я использую инструменты судебной психотерапии, разработанной в Портмановской клинике, в которой клиническая практика направляется психодинамическим пониманием внутреннего мира преступника. Имея опыт работы в области клинической психологии, я достаточно осведомлена о концепциях, включающих контейнирование, перенос, контрперенос, частичный объект и психологические защиты, такие как проекция, проективная идентификация и идентификация с агрессором. Их я буду использовать в этой книге. Те, кто незнаком с терминологией, могут найти четкие определения и разъяснения психоаналити-

ческих терминов в «Словаре по психоанализу» Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса (Laplanche, Pontalis, 1988).

Главная цель книги: вызов отрицанию женского насилия

Хотя основное внимание в моей книге уделяется насилию, совершаемому женщинами, не менее важно распознавать насилие, совершаемое над женщинами из-за общественного отрицания их способности к агрессии и отказа признавать их моральные ценности. Возможно, что ревность, порождаемая идеализацией женщин, провоцирует их очернение, особенно дискредитацию матерей, когда те не оправдывают ожиданий, созданных возвышенными представлениями о материнстве и женственности.

Две важные причины игнорирования женского насилия – это, с одной стороны, широко распространенное отрицание женской агрессии и, с другой стороны, идеализация материнства. Еще одна причина – скрытый или глубоко личный характер женского насилия, извращенности или отклонения. «В большинстве случаев насилие совершается мужчинами, независимо от того, направлено ли оно против мужчин или женщин» (Mayhew et al., 1992). Но, когда женщины все же совершают акты насилия, они, скорее всего, делают это в частной обстановке, дома – против себя или своих детей. Чаще всего это скрытые преступления, не отражающиеся в криминальной статистике. Таким образом, в отличие от традиционно общественного поля деятельности мужчин, женское насилие совершается по большей части в домашних условиях, что в очередной раз подчеркивает вопрос о разграничении сфер влияния полов в обществе.

Когда женщина признается преступницей, то часто подвергается шельмованию, что в гораздо меньшей мере характерно в отношении мужчин. основополагающая работа баронессы Хелены Кеннеди «Еву подставили», впервые опубликованная в 1992 г. (новое издание – 2005 г.), описывает обращение с женщинами в системе уголовного правосудия. Она демонстрирует, что глубокое непонимание со стороны судов приводит к несправедливой практике вынесения женщинам приговоров. Автор поднимает важнейший вопрос о влиянии общественного мнения. Социальные стереотипы в отношении женского поведения раскрываются в зале суда точно так же, как и в других жизненных сферах, и по сравнению с мужчиной, с женщиной-правонарушителем обращаются существенно строже.

В работах Вэллдон о женском насилии и извращениях описаны психодинамические процессы, которые формируют это поведение и трансгенерационную передачу извращенного и жестокого материнства (Welldon, 1991, 1992, 1993, 1994, 1996). Динора Пайнс описывает способы, которыми бессознательные конфликты выражаются через беременность, роды и сексуальность женщин (Pines, 1993). Эти процессы очевидны у женщин из моего клинического опыта, многие из которых психически неуравновешенны и проявляют насилие, которое они обрушивают на свое собственное тело и тела своих детей.

Существует множество проявлений женского насилия, требующих тщательного анализа и исследования. В этой работе я решила обсудить те из них, которые встречались в моей клинической практике чаще других. Это такие явления, как материнское насилие, самоповреждение и месть женщин, ставших жертвами мужского насилия. Из-за мучений и лишений женщин, которых я здесь описываю, материалы дел, возможно, покажутся драматичными и даже шокирующими. Я должна подчеркнуть, что имею дело с очень узкой группой пациентов, некоторые из них были осуждены за тяжкие преступления и приговорены к принудительной госпитализации и терапии.

Я также включила в книгу материалы, взятые из моих экспертиз женщин, проведенных для судебных разбирательств по вопросам опеки. Обычно меня просили дать оценку этим женщинам в связи с их уже имеющим место или предполагаемым жестоким обращением с детьми, а также в связи с обеспокоенностью местных властей по поводу того, что эти матери либо представляют реальный риск для своих детей, либо имеют серьезные трудности в защите их от жестокого обращения со стороны агрессивных партнеров. Несомненно, я говорю о женщинах

с сильными психическими отклонениями, находящимися в стационарах, и оцениваю только тех матерей, относительно которых была выражена обеспокоенность, и кто, возможно, был известен социальным службам еще до того, как они стали матерями. Поэтому в значительной степени я описываю в своей книге женщин, насилие и депривация которых экстремальны; тем не менее, они наглядно иллюстрируют процессы и опыт, знакомые другим женщинам, не нарушившим закон.

Я знаю, что существуют и другие серьезные проявления насилия у женщин, в том числе поджоги, насилие со стороны партнеров-лесбиянок, насилие со стороны банд и серийные убийства. Их я здесь не рассматриваю. Мое исследование следует воспринимать не как исчерпывающий отчет об огромной и недооцененной области женского насилия, а, скорее, как введение в нее.

Модель женского извращения: концептуальные основы

Представление о перверсии как о сексуализированной агрессии имеет отношение к пониманию женской агрессии. Я считаю, что многие разновидности самоповреждения, включая анорексию, являются женскими перверсиями, т. е. сексуализированным выражением агрессии, служащим для защиты человека от депрессии или даже психоза, и в случае женщин – направленным не к объективированному другому, а лишь к собственному телу или телу своих детей. Вэлдон выделила и исследовала особую, уникальную категорию женских извращений. Она утверждает, что расстройства пищевого поведения, самоповреждение и материнский инцест могут быть отнесены к этой категории.

Репродуктивные функции и органы используются обоими полами для проявления извращений. Извращенные мужчины используют свои пенисы для агрессии и демонстрации ненависти к символическим источникам унижения, обычно представленными частичными объектами. Если извращение у мужчины сосредоточено на его пенисе, то у женщины оно будет выражаться через ее репродуктивные органы и ментальные представления о материнстве. (*Welldon, 1991, p. 85*)

В отличие от определения перверсии, данного Фрейдом, это понятие не следует использовать исключительно в сексуальном контексте. На протяжении всей книги я описываю женские извращения и надеюсь, читателю будет понятно, что термин «извращение» используется мной скорее описательно, чем в уничижительном или аморальном смысле, хотя многие из описываемых действий находятся на грани морали.

Язык тела

Я считаю, что акты насилия, обычно совершаемые женщинами против собственного тела и тел своих детей, являются важными инструментами коммуникации. Работа Макдугалл рассматривает психоанализ психосоматических расстройств в контексте понимания того, как в теле способны проявляться конфликты и травмы, которые не могут быть осознаны и сформулированы. Признавая в соответствии с языком структурирования привилегированное положение психики и терапии в традиционном психоанализе, она подчеркивает важность внимания к жалобам и расстройствам тела. Автор утверждает, что психосоматические заболевания отражают значительные психологические бедствия. Таким образом, потенциальный анализ дает надежду снизить смертоносную силу заболевания через возможность сформулировать и озвучить некогда произошедшее травмирующее событие.

*Не во всех сообщениях используются слова. В случае определенных мыслей, фантазий или конфликтных ситуаций, пробуждающих сильные чувства болезненного или перевозбуждающего характера и атакующих осознание, пациент вместо мысли, фантазии или мечты может произвести, например, соматический взрыв.
(McDougall, 1989, p. 11)*

Я считаю, что бессознательное использование женщиной своего тела во время беременности и его символическое использование для нанесения себе вреда, анорексия, а также участие женщины в актах насилия в отношении детей аналогично психосоматическому заболеванию. Эти акты насилия служат психической функции женщины, которая их совершает, так же как симптомы психосоматического заболевания являются «детскими попытками спасения себя и созданы как средство от невыносимой душевной боли» (McDougall, 1989, p. 8). Автор связывает развитие этих расстройств с ранним младенчеством, когда психические структуры являются долингвистическими, а самые ранние представления о себе связаны с телесными переживаниями, где тело является основным средством общения.

Я считаю наиболее правдоподобной моделью для понимания женского насилия ту, в которой насильственный акт понимается как решение психологической проблемы и как телесное выражение или сообщение о горе и гневе – аналогично психосоматической жалобе, описанной Макдугалл. Связь между насилием и перверсией как защитой от основного психологического стресса является основополагающей и лежит в основе модели женского насилия, предложенной в этой книге.

Альтернативные модели женского насилия

Существуют альтернативные модели понимания женского насилия. К ним относятся:

- феминистское понимание женского насилия как реакции на угнетение и социальную обусловленность;
- биологическая модель, подчеркивающая роль гормональных факторов, связанных с воспроизводством;
- когнитивно-поведенческая модель понимания развития и поддержания психологического расстройства;
- теория привязанности, согласно которой модели воспитания и ранних отношений могут привести к трудностям в психологическом и социальном функционировании в дальнейшей жизни.

Теория привязанности тесно связана с психодинамической моделью и разработана как в этологических, так и в психоаналитических парадигмах. В этой книге я сосредоточилась на психодинамическом понимании женского насилия, что, по моему мнению, является наиболее действенной моделью для понимания его генезиса и манифестации.

Хотя я и использую феминистские исследования, особенно в отношении самоповреждения и домашнего насилия, я отдаю предпочтение психологической модели, в которой освещаются психодинамические процессы. Моя главная цель – понять коммуникативную функцию обсуждаемых актов насилия и психологическую мотивацию, которая их порождает. Я рассматриваю акты насилия и правонарушения как символы и проявления более ранних конфликтов, многие из которых можно проследить до очень ранних переживаний жестоких женщин, касающихся их собственного опыта отношений с матерью. Другие модели оставляют важные аспекты женского насилия без объяснения.

Теория привязанности предлагает понимание того, как насилие передается от поколения к поколению. Я использую важное положение, выдвинутое Фонаги и Таргет в отношении нарушенных ранних моделей привязанности и, как следствие, невозможности младенцев развивать способность к ментализации: эта трудность проявляется у некоторых из описываемых мною женщин, чьи тела бессознательно используются в качестве основных средств общения (Fonagy, Target, 1999). Работа Де Зулуета внесла значительный вклад в понимание того, как нарушенные привязанности могут заложить основу для дальнейших извращений, которые развиваются как защита от психической боли (De Zulueta, 1993). Она ясно показала связь между теорией привязанности, травмами и развитием патологических защит, проявляющихся в перверсии или жестокости человека.

Структура второго издания

Второе издание было расширено за счет обновленных данных и изменений в содержании. Я пересмотрела все первоначальные главы и, где это было возможно, включила в обсуждение важные вещи. Большинство изменений касается части I «Насилие в отношении детей», для которой большое значение имели недавние правовые и клинические разработки. Новый клинический материал я обсуждаю в главе 3 о физическом насилии со стороны матери, рассматриваю историю пациентки Виктории Климби и отношение этого случая к динамике жестокого обращения с детьми и отрицанию женского насилия. Я затрагиваю споры, связанные с показаниями экспертов о сфабрикованных или индуцированных случаях заболевания, явления, ранее известного как делегированный синдром Мюнхгаузена.

Книга разделена на четыре части: насилие над детьми, насилие над собой, насилие над другими и, наконец, клиническое применение. Я также добавила вводную главу, описывающую развитие нарушенного родительства, отслеживая его с детства матери вплоть до беременности и родов. Я расположила эти типы насилия в соответствии с концептуальной прогрессией – от наиболее скрытых к наиболее публичным формам насилия. Я считаю материнское насилие, как сексуальное, так и физическое, самым скрытым преступлением, часто происходящим за закрытыми дверями. Очевидных физических признаков на жертвах – синяков или свидетельств сексуального насилия – может и не оставаться. Следы чаще всего имеют психологический характер.

Эти акты насилия могут стать достоянием общественности, когда ребенок будет доставлен в больницу с несчастными травмами или симптомами болезней, которые иногда оказываются либо сфабрированными, либо искусственно индуцированными родителем, обычно матерью. В такие моменты вмешательство общественности, социальных служб и судов может стать необходимым. Жестокое обращение матерей может быть скрыто из-за материнской власти над детьми, которых они воспитывают в стороне от посторонних глаз. Насилие против себя также может быть глубоко личным преступлением, которое реализуется максимально тайно, вдали от пересудов окружающих, однако, по сравнению со следами скрытого эмоционального или сексуального насилия над детьми, его последствия более заметны в виде шрамов от самоповреждения или истощения тел женщин с анорексией.

Используя понятие женского извращения, я провожу аналогии между целями насилия при самоповреждении и целями при материнском насилии, акцентируя внимание на фактах нападения на свое тело и тела своих детей.

В третьей части книги я исследую феномен женщин, убивающих агрессивных партнеров. Именно в этой главе насилие наиболее явно рассматривается в контексте более широких социальных проблем, связанных с дисбалансом власти между мужчинами и женщинами; юридическая защита этих женщин проанализирована достаточно детально.

Часть I. Насилие в отношении детей

Это основная часть книги, в которой обсуждается развитие жестокого материнского обращения и часто скрытые преступления сексуального и физического насилия над детьми, а также сфабрикованная или индуцированная болезнь, ранее известная как делегированный синдром Мюнхгаузена, и трагическое преступление инфантицида. Я исследую идеализацию материнства, миф о Великой Матери, универсальной богине-матери (Motz, 1997), и патологический процесс, при котором бессознательные конфликты разрешаются посредством беременности и жестокого воспитания. Также исследуется символическая функция ребенка.

В главе 1 я рассматриваю модель извращенного материнства Вэллдон и описание Диноры Пайнс, показывающих, как женщина неосознанно использует свое тело во время беременности и материнства. Я выделяю теоретические основы модели женского насилия и корни нарушений материнства. Для некоторых нарушенных молодых женщин с бедным опытом заботы со стороны своих матерей дети являются их нарциссическими продолжениями. Ребенок рассматривается как «хороший» объект, в котором «плохая» женщина отчаянно нуждается как во вместилище для своих проекций. В фантазиях матери нерожденный младенец – воплощение любящего существа, которое подтверждает регенеративную способность матери и наличие которого показывает ее в лучшем свете. Эта идеализация может привести к разочарованию и депрессии, когда ребенок в конечном итоге рождается, пробуждая в матери ярость. Пайнс (Pines, 1993) анализирует опыт беременности и материнства и его отклонения, а работа Вэллдон (Welldon, 1992) об извращенном материнстве подкрепляет этот тезис.

Я описываю трансгенерационную интегративную модель депривации и жестокого обращения, которая может предрасполагать некоторых женщин к повторению жестокого обращения со своими детьми. Эта модель основана на раннем опыте отношений с матерью, а также более поздних социальных стрессах. В ней прослеживается путь от жестокости по отношению к девочке до ее партнерства с очередным обидчиком, где она еще больше теряет контроль, сталкивается с беспомощностью и в конечном итоге цикл насилия повторяется. Я привожу примеры «патологической беременности», а также насилия в отношении детей, чтобы проиллюстрировать, как женщины могут направлять свою агрессию на собственное тело или тела своих детей, чтобы обеспечить «решение» своих психологических проблем. Это связано с ранним опытом жестокого обращения, депривации или пренебрежения и отражает раннюю травму.

В главе 2 я исследую женское сексуальное насилие над детьми – запретную тему, которая только относительно недавно стала предметом профессионального интереса и обсуждения в СМИ. Очень важно признать феномен женского сексуального насилия над детьми и предложить экспертизу и лечение женщин – виновниц сексуального насилия в отношении детей, многие из которых сами окажутся жертвами внутрисемейного насилия в будущем. Отрицание женской сексуальности и идеализация материнства очевидны в отказе «думать о немыслимом», т. е. признавать существование материнского извращения. Понятие извращенного материнства проясняет причины, проявления и психические функции сексуального насилия со стороны матери.

Глава 3 посвящена физическому насилию над детьми со стороны их матерей. Физическое насилие над ребенком может отражать сильнейшие социальные стрессы и личные потери, которые переживают многие молодые матери, а также может быть связано с реактивацией их собственного опыта злоупотребления или пренебрежения. В обсуждении утверждается символическое значение процедуры опеки в случаях жестокого обращения с детьми. В процессе вмешательства в драматические события частное насилие становится общественной проблемой.

В главе 4 описывается, как физическое и эмоциональное насилие над детьми может проявляться в случае сфабрикованной или индуцированной болезни (ФИ), ранее известной как делегированный синдром Мюнхгаузена (MSBP). В этой главе я рассматриваю физическое и эмоциональное насилие, проявляющееся в действиях матерей, которые выдумывают или искусственно вызывают болезнь у детей. Хотя это редкое явление, в продолжение темы женских извращений оно наглядно показывает, как женщины могут извращенно использовать своих детей. Я даю иллюстративный случай и теоретическое обсуждение этой опасной и сложной формы жестокого обращения. В такой скрытой форме насилия матери могут фабриковать или индуцировать болезненные симптомы у своих детей, иногда со смертельным исходом. Для тех, кто сталкивается с подобным, это кажется извращенным и невероятным. К тому же иногда эти действия возможно обнаружить только с помощью скрытого видеонаблюдения, что создает этические трудности (Cordess, 1998). Я исследую споры, связанные с диагнозом син-

дрома Мюнхгаузена, с решением Генерального медицинского совета в отношении Роя Медоу, который был одним из ключевых сторонников MSBP, и с заменой термина на «сфабрикованная или индуцированная болезнь». Я также обсуждаю недавнее законодательство, касающееся защиты детей в этой области, и представляю обновленные исследования в отношении выявления и лечения ФП.

В главе 5 я обсуждаю инфантицид, одно из самых шокирующих проявлений материнского насилия. И здесь снова мать использует свое собственное тело, представленное телом ее ребенка, чтобы совершить акт, на этот раз – безвозвратного насилия. Раскаяние и горе, переживаемые женщинами, которые убивают своих детей, ясны. Я обсуждаю связь детоубийства с истерическим отрицанием беременности, так часто связанным с убийством новорожденных. Я исследую недавнюю литературу по профилактике инфантицида и правовым последствиям применения имеющегося закона об инфантициде в США. Шокирующий случай Андреа Йейтс, явно психопатической матери, убившей своих пятерых детей и отбывающей пожизненное заключение за убийство в штате Техас, используется мной, чтобы сосредоточить внимание на полезности и обоснованности закона об инфантициде.

Часть II. Насилие, направленное против самой себя

Женское насилие часто направлено против себя при депрессии, самоповреждении или добровольном голодании. Хотя эти проявления могут отражать бессознательное насилие, направленное против себя, они обычно не считаются преступлениями и, конечно, не запрещены законом. Из-за того, что эти проявления женского насилия направлены против собственных тел или тел детей, они часто скрыты от публики. Подзаголовок книги «Преступление против тела» указывает на самонаправленную природу женского насилия; термин «преступление» используется метафорически. Женщины, которых я здесь описываю, по-видимому, в полной мере отождествляют себя со своим телом. Это не только отражает личные внутренние психические трудности конкретных женщин, но и показывает, что в телах женщин в целом и в их репродуктивных способностях в частности локализован мощный культурный аспект. Их представление о самости переплетены с их физическими телами: нападение на их собственные тела имеет множество смыслов, требующих проговаривания. Эти женщины нападают на себя и – в фантазиях – на тела своих собственных матерей, используя с помощью самоповреждения конкретный опыт боли, – всё, чтобы только выразить свои психологические страдания и сообщить о бессознательных конфликтах.

Вторая часть состоит из двух глав: одна посвящена самоповреждению, а другая – нервной анорексии. Каждая глава проиллюстрирована материалами реальных случаев, чтобы дополнить теоретическое понимание насилия против себя. Моя цель – дать некоторое представление о сложности и развитии поведения, лежащего в основе расстройства, для которого оно характерно, о его символическом значении и влиянии на тех, кто работает с этими женщинами.

Глава 6 посвящена преднамеренному самоповреждению, подчеркивающему его коммуникативную функцию, и разъяснению модели женского извращения, разработанной Вэллдон. Женщины наносят себе вред для того, чтобы выразить свое горе и гнев в надежде, часто бессознательной, получить от других отклик на это. Точно так же насилие, которому женщины подвергают детское тело, часто отражает коммуникативную потребность и может рассматриваться как симптом других конфликтов. Женщины пытаются управлять своей сильной внутренней болью, направляя ее на самих себя, чтобы экстернализовать боль в атаке на тело. Жестокость самоповреждения часто сводится наблюдателями к минимуму и рассматривается ими как просто раздражающий или манипулятивный акт, а не как мощная коммуникация. Большинство тех, кто причиняет себе вред, не опасны для других, но с некоторыми все же стоит быть осторожнее, особенно с теми, кто испытал очень серьезное сексуальное, физическое и

эмоциональное насилие. Я обновила главу ссылкой на научно обоснованное лечение – психотерапию на основе ментализации для людей с пограничным расстройством личности, разработанную Бейтманом и Фонаги (Bateman, Fonagy, 2004).

В главе 7 я обсуждаю нервную анорексию. Самоповреждения, включая анорексию, по-видимому, становятся средством достижения контроля, хотя и временного, над собой через тело. Нервная анорексия – это опасное для жизни состояние, при котором организм намеренно голодает, проявляя сильнейшую агрессию, обращенную против себя. Сценарий аноректиков – переест, а затем «очиститься», поддерживая таким образом цикл потворства своим слабостям и последующего самонаказания, в котором злоупотребление собственным телом очевидно. Акт «очищения» можно рассматривать как символическую защиту от сохраняющихся болезненных мыслей и воспоминаний. Аналогичная неспособность усвоить и переварить материал нередко проявляется и в терапии. Вопросы для терапевтов в работе с анорексичными женщинами исследуются мной со ссылкой на психоаналитическую работу Уильямс (Williams, 1997) и Биркстед-Брин (Birksted-Breen, 1997). Нервная анорексия и нервная булимия – два различных клинических состояния, в то же время женщины с анорексией иногда могут использовать методы, характерные для булимии. Глава посвящена нервной анорексии, но частично я обсуждаю и нервную булимию, особенно в отношении психического значения очищения. Эта глава была обновлена и переработана с учетом новой литературы и включает: обсуждение веб-сайтов pro-Ana и pro-Mia, число которых в последние годы увеличилось. Я привожу споры о том, следует ли закрывать эти веб-сайты, а также излагаю конфликт между сторонниками свободы слова и теми, кто считает, что эти сайты могут нанести большой вред уязвимым молодым людям.

Часть III. Насилие над другими

Эта часть посвящена исследованию избиваемых женщин, которые впоследствии убивают, как это описано в главе 8. Я расширила эту главу, включив в нее обновленные данные о женских убийствах. Женщины, которые подвергаются постоянному физическому насилию, в результате могут превратиться в психологически поврежденных, иногда до крайней степени пассивности, и находиться в состоянии, названном «выученной беспомощностью» (Browne, 1987; Seligman, 1975) и входящем в «синдром избиваемой женщины» (Walker, 1984). Я описываю, что происходит с женщинами в периоды продолжительного насилия со стороны их агрессивных партнеров, и процесс, который может привести таких женщин к убийству своих склонных к насилию партнеров. В качестве иллюстраций приведены случаи, один из которых демонстрирует воздействие продолжительного насилия на молодую мать, а другой описывает, как домашнее насилие привело к тому, что женщина убила своего жестокого партнера. Также я обсуждаю психологический процесс, используя психодинамические термины, и оцениваю обоснованность правовой защиты при «синдроме избиваемой женщины», аргументируя необходимость расширенного применения поправки о провокации в отношении женщин, убивающих своих агрессивных партнеров.

Часть IV. Клиническое применение

В этом разделе я предлагаю обсуждение клинических случаев из моей практики, с которыми я сталкивалась, работая как судебный психолог с женщинами в отделениях закрытого типа. В главе 9 «Работа с женщинами, которые убивают» я описываю клинические примеры и обсуждаю проблемы переноса в отношении беременной терапевта, когда клиент – женщина, убившая своего ребенка. В главе 10 я обсуждаю вопросы медицинского обслуживания с учетом гендерного разграничения в закрытых отделениях в соответствии с рекомендациями

Министерства здравоохранения, а также документы: «На учете» (Into the Mainstream, 2003) и «Учет психического здоровья женщин» (Mainstreaming Women's Mental Health, 2004). Кроме того, я иллюстрирую трудности, с которыми сталкиваются женщины в смешанном закрытом отделении, и показываю, насколько непризнанными могут быть их потребности в такой среде. Я обращаюсь к вопросу, подходит ли термин «опасное и тяжелое расстройство личности» женщинам-правонарушительницам, и, наконец, даю обзор наиболее полезных и сложных моделей ухода за женщинами в закрытых отделениях, разработанных на основе принципов привязанности.

Читатели, знакомые с первым изданием книги, заметят во втором множество изменений. В них отражены последние достижения в клинической практике, исследованиях, государственной политике, криминальной статистике.

Использование в тексте клинических случаев, известных общественности, может способствовать не просто осуждению, а пониманию преступлений и помочь читателю оценить актуальность модели судебной психотерапии для широкой общественности.

Заключение

Заключение связывает воедино темы предыдущих глав и указывает путь для будущих исследований. В нем описывается роль судебной психотерапии в понимании женского насилия и модель лечения, в которой насильственный акт может быть глубоко исследован в надежде, что его понимание и осознание могут сделать так, что поведение, связанное с насилием, канет в Лету. Конечная цель такой терапии – позволить агрессивной женщине обрести свой голос и ограничить использование языка тела, как бы болезненно это ни было.

Часть I. Насилие в отношении детей

Глава 1. Истоки материнского насилия. Женские перверсии

Материнство, будь это забота о близких или профессиональный уход медсестры, – куда более короткий путь к власти для психопатических женщин, чем деньги и секс.
(Pearson, 1998, p. 107)

Введение

В основе перверсий женщины лежит перверсия материнства.
(Mitchell, 1992)

Область, в которой разворачиваются женские перверсии, захватывает все тело женщины, а также тела ее детей. Когда женщины нападают на собственные тела посредством нанесения себе увечий, голодания или переедания, они, таким образом, символически мстят своим собственным интернализированным, часто жестоким и извращенным матерям. Они идентифицируют свое тело с телом своей матери. И когда они нападают на тела своих детей, они выражают насилие в отношении своего собственного нарциссического расширения:

Основное различие между мужскими и женскими первертными действиями заключается в их цели. В то время как у мужчин акт направлен вовне – на внешний объект, у женщин он направлен против самих себя: либо против их собственных тел, либо против объектов их творения, т. е. их детей.
(Welldon, 1992, p. 72)

Таких матерей, относясь к ним нарциссически, обычно использовали в качестве своего расширения их собственные матери. Теперь же они повторяют этот паттерн поведения в отношении своих детей. Ранний опыт пренебрежения, с которым столкнулись женщины в детском возрасте, равно как и злоупотребления со стороны их матерей, повышают вероятность того, что став взрослыми, эти женщины будут подвержены похожим рискам, включая отношения с мужчинами, склонными к проявлениям физического или сексуального насилия. Это приводит к дальнейшим искажениям в их самооценке и в функционировании их психики, что в свою очередь может отрицательно повлиять на их собственную способность к материнству.

В настоящей главе я исследую нарушения, возникающие в ходе беременности и в процессе материнства. Я привожу пример случая для демонстрации психических процессов, протекающих в ходе беременности, во время которой молодая мать проявляла насилие по отношению к своему собственному беременному организму, а позднее – к младенцу. Такие случаи иллюстрируют модель женской перверсии, предложенную Вэлдон.

Чтобы понять феномен сексуального насилия над детьми, необходимо видеть природу женской перверсии и ее корни в нарушенной модели привязанности. Я начну эту главу с обсуждения женской перверсии как таковой, психологических нарушений во время беременности и исполнения женщиной материнских обязанностей в целом, а затем мы перейдем к изучению сексуального насилия над детьми как частности.

Природа женских перверсий

Смелые идеи Эстелы Вэллдон бросили вызов предположению, что перверсия связана с фаллосом и, следовательно, как это утверждалось З. Фрейдом, возможна только у мужчин. В своем предисловии к книге Вэллдон «Мать. Мадонна. Блудница. Идеализация и обесценивание материнства», изданной в 1992 г., Джульетта Митчелл пишет:

Мужчины первертны; женщины невротичны; Эстела Вэллдон была, возможно, одной из первых в своей области, кто подверг сомнению этот психосоциальный трюизм... Женщины не могли считаться первертными, поскольку модель перверсии была мужской... Вэллдон выдвигает аргументы в пользу того, что женская психофизиология дает иную картину перверсии. Источник и мужской, и женской перверсии может лежать в нарушенных отношениях между младенцем и матерью, но цели последующей перверсии у взрослых разного пола различаются. И те и другие атакуют мать, которая злоупотребляла своей властью, игнорировала или обделяла их, но женщины станут нападать на эту мать, представленную в их собственном женском теле или в их материнстве. Ненавистное, таким образом, идентифицируется и коренится внутри самой женщины или идентифицируется с ребенком, который является расширением ее самой, точно так же, как эта извращенная женщина когда-то являлась продолжением ее собственной матери. Вследствие этого типичные перверсии у женщин влекут за собой нанесение увечий себе или насилие над детьми... Перверсии материнства – это конечный продукт семейного насилия или хронического пренебрежения по отношению к младенцу. Воспроизведение материнского опыта также является повторением первертной модели материнства.

(Mitchell, 1992, p. iv)

Вэллдон утверждает, что женские перверсии, как правило, не замечались авторами-психоаналитиками, которые идентифицировали перверсию как таковую с мужской сексуальностью и кастрационным комплексом, возникавшим в результате эдипальных стремлений. Фрейд фактически пренебрег изучением женской сексуальности и возможных перверсий женских материнских желаний, приписывая женщинам сильное чувство неполноценности, вызванное принадлежностью к женскому полу и приводящее к компенсаторному стремлению быть оплодотворенными своими сыновьями. Для Фрейда пенис символически отождествлялся с младенцами; девочки разрешают свой эдипов комплекс, перенося объект своего сексуального желания с матери на отца и затем трансформируя свое желание иметь пенис в желание быть оплодотворенной своим отцом. При этом наличие младенца удовлетворяет потребности женщины, связанные с ее завистью к пенису, и компенсируются тягой к младенцу, подаренному отцом. У Фрейда не было никаких указаний на то, что беременность или забота о детях могут являться для психически нарушенных женщин возможностью реализовать первертное поведение и что само материнство могло бы предоставить богатый источник извращенной и разрушительной силы.

Вэллдон первая описала, что женское извращение представлено не просто в половых органах. Функционирует все женское тело, и младенцы, которых оно дает, также представляют собой фокус проявления женского извращения:

Я считаю, что термин «тело» в определении перверсии был ошибочно идентифицирован исключительно с мужской анатомией и физиологией, особенно с пенисом и генитальным оргазмом. А иначе как мы могли

упустить из виду тот факт, что женские тела полностью захвачены данной им от рождения способностью создавать жизнь внутри себя и что порой это сопровождается самыми извращенными фантазиями, воплощающимися в этих телах?

(Welldon, 1992, p. 7)

Перверсия как эротическая форма ненависти

Первертное поведение позволяет женщинам проецировать свой собственный опыт насилия в детском возрасте на кого-то другого, а именно – на ребенка или детей, о которых они заботятся. Подобное повторное воспроизведение опыта насилия может не иметь отражения на сознательном уровне, хотя и выполняет важные психологические функции. В психоаналитическом смысле перверсия – это термин, который используется не в уничижительном, а в описательном смысле, относясь к специфической эротической деятельности, которая не нацелена на генитальную сексуальность, обходя стороной близость, подразумевающую полноценный половой акт. Аналитики отличаются по своему пониманию определяющих характеристик перверсии. Столлер описывает ее следующим образом:

Перверсия, эротическая форма ненависти – это фантазия, обычно выраженная в действии, хотя порой и ограниченная лишь воображением (мысленно воплощаемым либо самим человеком, либо другими людьми, например, в порнографии). Это привычная, предпочитаемая человеком aberrация, необходимая ему для достижения полного удовлетворения и мотивированная в первую очередь враждебностью. Под «враждебностью» я имею в виду состояние, в котором человек намерен причинить объекту вред – это отличает ее от «агрессии», которая часто лишь абстрактно подразумевает применение силы. Подобная враждебность в перверсиях принимает форму фантазии о мести, заключенной в действиях, которые перверсию и составляют, и служит для преобразования детской травмы во взрослый триумф. Чтобы создать наибольшее возбуждение, перверсия также должна являться актом принятия на себя риска. Хотя эти рассуждения устраняют прежние неопределенности в дефинициях, они налагают на нас новое бремя – необходимость знать, что является мотивом человека. Теперь мы освобождены от определений, которые не учитывают личность субъекта и его мотивы. Нам больше не нужно определять перверсию в соответствии с используемыми в первертном действии частями тела, выбранным объектом, утверждаемой обществом моралью или же количеством людей, реализующих ее.

(Stoller, 1975, p. 4)

Ключевые характеристики перверсии включают в себя поведение, связанное с риском, обман, объективацию жертвы, секретность и ритуализированное поведение. Часто оказывается так, что перверсии в психическом плане просто «поглощают» реализующего их человека, становясь, таким образом, смыслом его существования. Они предлагают ему большое «вознаграждение». Представление Столлера о «скрытой фантазии о мести» играет основную роль для понимания символического значения перверсии и того смысла, в котором она является повторением ранней травмы, «превращенной во взрослый триумф», что позволяет жертве в настоящем становиться преступником.

Женщины, которые клинически демонстрируют сексуальные перверсии, часто кажутся полностью поглощенными ими, как будто в их жизни нет ничего более значимого или ценного.

Это указывает на степень, в которой перверсии могут маскировать лежащую за ними пустоту и ощущение поверхностности, бедности чувств, либо депрессию. Для некоторых сохранение первертного поведения в секрете и разработка сложных стратегий поведения, нацеленных на сохранение своего существования, становится руководящим принципом жизни. Даже если они не реализуют первертные действия, фантазии для таких женщин могут быть основным источником безопасности и контроля. Если женщины в детстве сами подвергались сексуальному насилию, они чувствуют себя во власти воспоминаний о своей собственной травме, и это может вызвать первертные фантазии. И тогда – только через замену воспоминаний о пережитых ими ранее невзгодах, устроив «взрослый триумф» через оскорбления и унижения других, эти женщины испытывают временное облегчение от своих тяжелых воспоминаний о жестокости. Вся эта динамика связана не только с сексуальным, но и с физическим и эмоциональным насилием.

Для матерей, создающих лишь «фасад нормальности», «преданный материнский уход» является только предлогом и неоценимой уловкой для злоупотреблений. Этот предмет будет подробно изучаться в следующих четырех главах.

Истоки нарушенного материнства

Идеи Диноры Пайнз и Эстелы Вэллдон о бессознательном использовании женщинами своих тел дополняют друг друга, обеспечивая сложное и всестороннее понимание женского опыта. Пайнз красноречиво описывает, как женские тела, в частности репродуктивная система, могут стать средством выражения бессознательных конфликтов. Она исследует множество способов, в которых бессознательные конфликты оказываются выражены через беременность, выкидыш, роды и сексуальность. Ее работа отличается от работ Вэллдон тем, что она не фокусируется на первертных или криминальных женщинах, хотя процессы, которые она описывает, могут быть видны в крайних формах именно у них.

Первертная мать в процессе беременности и ухода за детьми, которым она дает жизнь, может воссоздать разрушительные паттерны своего собственного рождения и детства, формируя территорию, где она имеет возможность творить все что угодно и где она может отомстить и получить компенсацию за пережитые ею самой жестокое обращение и лишения. Хотя эти мотивы могут быть бессознательными, их сознательным выражением могут оказаться вполне добрые и чрезвычайно сильные желания женщины выносить внутри своего тела, родить и вырастить ребенка, который, наконец, подарит ей безусловную любовь и подтверждение ее жизнеспособности и мощи. В действительности же ребенок может стать сосудом для ее собственных неприемлемых чувств беспомощности и обездоленности.

Пайнз исследует, как связаны между собой отношение молодой женщины к своему телу, себе самой, своей матери как объекту и ее ранний опыт, ее последующая беременность, а позднее – переживание ею своего ребенка. Она выявляет процесс, в ходе которого маленькая девочка, не чувствовавшая себя удовлетворенной своей матерью на доэдипальной стадии, на которой она могла бы интроецировать чувства телесного удовлетворения, остается с ощущением незавершенности и пустоты. Это способствует переживанию чувства обездоленности в зрелом возрасте, когда женщина жаждет и ищет опыта, который обеспечил бы ей это чувство удовлетворения. Положение депривации, в котором взрослая женщина продолжает ощущать отсутствие цельности, «незавершенности, может привести к глубинным проблемам с сепарацией и индивидуацией, поскольку достижение взрослой идентичности требует предварительного насыщения чувством заботы, которую дарит мать, и защитой с ее стороны. Такая женщина может «никогда не восполнить эту базовую потерю первичного стабильного ощущения благополучия в своем теле и телесном образе... Нарциссическая травма, и вспыхивающая в результате нарциссическая ярость, желание заполучить внимание своей матери и недостаточная самооценка могут быть болезненными и усложнять сепарацию» (Pines, 1993, p. 101). При-

веденная точка зрения расширяет кляйнианское понятие чувств интеграции и безопасности как базиса, который формируется вследствие интроекции, или присваивания объекта, любящего и защищающего самого ребенка и в свою очередь любимого и защищаемого им (Klein, 1932). Речь идет об интроецированном объекте, интернализированной матери. Интроекция имеет сильную связь с первым опытом кормления, когда ребенок получает нечто внутри себя от матери. Без этой успешной интроекции процесс сепарации в отношениях с матерью может очень усложниться, создавая огромные психологические трудности.

Подобные трудности могут повторяться в отношениях женщины с ее ребенком, когда сепарация и индивидуация становятся особенно проблематичными. Ее собственное психическое состояние уязвимо в том смысле, что оно оказывается подавленным и перегруженным в тех ситуациях, когда пробуждаются воспоминания о пережитой ею в детстве обездоленности и связанные с такими воспоминаниями ощущения. Понятие об отдельности ребенка является сложным для восприятия такими матерями. Их понимание потребностей детей в защите и благополучии ограничено, поскольку их главная забота – это собственная потребность чувствовать себя любимыми, ценными и защищенными. Они могут говорить о чувстве «пустоты» внутри и о желании иметь ребенка, который позволил бы им достичь ощущения «наполненности» и цельности. Эта пустота может отражать более ранний опыт эмоциональной депривации и истощения, т. е. отсутствие интернализированного хорошего объекта. Рождение детей для этих женщин часто является огромным разочарованием, так как требования малышей пробуждают в них осознание своих собственных неудовлетворенных нужд, делая ситуацию противоречивой и порой невыносимой: «Зрелая объектная любовь, в которой свои потребности и потребности объекта взаимно учитываются и удовлетворяются, не может быть достигнута, и рождение реального ребенка может обернуться катастрофой» (Pines, 1993, p. 103).

Пайнз (Pines, 1993) определяет существенное различие между опытом беременности и опытом материнства. Эта дифференциация имеет решающее значение как с практической, так и с психодинамической точки зрения. Разочарование, которое могут испытывать женщины, когда заканчивается беременность и рождается ребенок, – ребенок, который не только не компенсирует их лишений, но и вызывает воспоминания о неудовлетворенных потребностях и инфантильной ярости, – может привести к возрождению чувства гнева, брошенности и изолированности. А невыносимый характер вновь пробудившейся боли может привести к насильственным или первертным нападкам на ребенка.

В представленном ниже в качестве иллюстрации случае я описываю психические процессы, которые приводят к насильственным атакам на младенца – как в утробе матери, так и после родов. Эти нападения не являются сексуальными, но происходят из комплекса разрушающих переживаний, с которыми мать столкнулась в детстве, что, кроме прочего, может породить и материнский инцест. Как физическое, так и сексуальное насилие в отношении детей может рассматриваться как проявление женской перверсии. Я привожу пример одной молодой женщины, Кейт, чтобы проиллюстрировать дискуссию о бессознательных фантазиях и страхах во время беременности, а также их связи с материнской жестокостью. Эта история наглядно отображает рассуждения Вэллдон о «первертных фантазиях женщин, последствия которых реализуются на уровне их тел» (Weldon, 1992, p. 7).

Клинический случай

Кейт: беременность и бессознательные фантазии

Кейт, 18-летняя молодая женщина, была направлена на прием для оценки ее способности обеспечивать должный уход и защиту ее семимесячной дочери Алане. Девочка была поме-

щена в приемную семью, а ее случай подлежал дальнейшему разбирательству в суде по запросу службы опеки, серьезно обеспокоенной проявлениями физического насилия со стороны Кейт, которая призналась в двух случаях посягательства на дочь. Местные власти рассматривали направление Аланы на удочерение как более предпочтительное решение, нежели ее возвращение на попечение Кейт. Меня попросили посмотреть женщину, чтобы изучить ее личную историю и потенциал для прохождения терапии, которая могла бы помочь ей выполнять материнские обязанности. Ни о какой конфиденциальности речи в данном случае идти не могло, поскольку я обязана была подготовить для суда отчет относительно ее общего состояния, в особенности ее проявлений агрессии, исполнения ею материнских функций и ее способности выполнять соответствующую психологическую работу.

Кейт предстала передо мной уязвимой молодой женщиной, затрудняющейся понять характер и цели процедуры оценки, с общим чувством смятения и дезориентированности. Она выглядела поникшей и растрепанной, была одета в неподходящую случаю грязную одежду. К тому же она предпочла не снимать свою теплую куртку на протяжении всего первичного интервью, несмотря на то что в комнате было тепло; создавалось ощущение, что ей нужно было защититься с помощью одежды, и, похоже, она не в полной мере понимала, как ей позаботиться о себе и реагировать на окружающую обстановку. Ее глупый и неопрятный внешний вид и покрасневшие глаза ассоциировались с образом ребенка, которым пренебрегали, или же со сбежавшим из дома подростком, жившим на улице. Когда я познакомилась с ней, она была на 12-й неделе беременности своим вторым ребенком и только недавно рассталась со своим жестоко относившимся к ней партнером, который являлся отцом ее первенца. Она не знала, кто был отцом ее второго ребенка, поскольку за последний год у нее было несколько случайных сексуальных связей с мужчинами.

Кейт выглядела на несколько лет моложе своего возраста и, казалось, чувствовала себя неловко, не понимая как себя вести. Ее лицо и голос почти ничего не выражали, за исключением случая, когда она разрыдалась, описывая ту крайнюю жестокость, которую в ранние годы проявляли к ней мать, отец и позже отчим. Никто из взрослых в жизни Кейт так и не защитил ее от насилия, вместо этого ее только ругали и обвиняли. Дома она чувствовала себя неугодной и бесполезной. Когда Кейт было 12 лет, из-за кровоподтеков на лице, руках и плохого поведения в школе на нее обратили внимание социальные службы. Родители Кейт расстались за год до этого, и мать начала новые отношения с мужчиной, который за два года до этого был обвинен в сексуальных преступлениях против детей, но осужден так и не был. Кейт считала этого человека своим отчимом и призналась, что она «была от него в ужасе». В конце концов в возрасте 13 лет Кейт забрали у матери и поместили в детский приют.

У нее было два младших брата, которые, несмотря ни на что, продолжали проживать дома с матерью.

Сама мать Кейт имела проблемы с обучаемостью и страдала от депрессии примерно с двадцатилетнего возраста. Первый депрессивный эпизод произошел у нее, когда Кейт было три недели от роду. О том, подвергалась ли она сексуальному насилию в раннем детстве, Кейт вспомнить не могла, но, когда ей было 14, она подверглась серьезному нападению непристойного характера со стороны незнакомца. Она была готова дать показания против напавшего на нее человека, но он умер прежде, чем дело дошло до суда.

Кейт производила впечатление очень травмированного человека; она была эмоционально, физически и сексуально повреждена настолько, что не верила, что что-то хорошее или живое могло в ней выжить. Она боялась того, что было внутри нее, но этот страх вступал в конфликт с непреодолимым желанием выносить свою беременность и стать матерью, хотя у нее, похоже, не было реального понимания, что именно подразумевает под собой подобный опыт.

Кейт ярко описала свое чувство растерянности и страха, которое она испытала во время первой беременности. «Я не знала, что у меня внутри», – объясняла она, продолжая рассказы-

вать, как она при помощи спиц и других острых предметов пыталась на 18-недельном сроке избавиться от нерожденного ребенка. В конечном итоге на 36-й неделе она родила девочку. Во время своей первой беременности она часто попадала в неприятные ситуации, и в медицинских отчетах о ней много красноречивых записей, например, «поступившая пациентка – молодая женщина, кричащая, чтобы из нее вынули ребенка». На протяжении всей беременности она переживала ужас, испытывая четкое ощущение вторжения. На протяжении всей беременности она видела яркие образы чудовищного существа, растущего внутри нее, задавалась вопросом, был ли ребенок в полной мере человеком, и отчаянно хотела, чтобы он поскорее родился, дабы убедиться, что это действительно человеческое дитя.

После рождения дочери и последующих многократных неудачных и жестоких попыток побудить себя заботиться о ней Кейт столкнулась с тем, что ей становилось все труднее справляться с потребностями малышки. Когда ребенку было девять дней, Кейт встряхнула и отбросила ее, находя невыносимым слышать ее плач, который она не могла остановить и который явился мощным толчком к пробуждению ее собственных воспоминаний о депривации. Ее нападение на ребенка вновь привлекло к ней внимание социальных служб – на этот раз уже как к матери, ведь она сама только недавно вышла из-под наблюдения опеки. Кейт отметила, что испытала чувство облегчения, когда служба опеки возбудила дело по вопросу ее ухода за новорожденным ребенком, поскольку она осознавала, что не способна справиться с материнством. В этом смысле испытанное Кейт чувство облегчения и ее желание защитить дочь от тех страданий, которые она сама перенесла в детстве, являлись собой здоровый и защищающий ребенка аспект ее материнских способностей. Хотя иногда на уровне разума Кейт и осознавала свою потенциальную способность нанести вред дочери, на каком-то другом уровне она могла отрицать свою способность убить и чувствовала себя ограбленной и разъяренной от потери возможности заботиться о своем ребенке. Это явно показывало, как отчаянно Кейт хотела, чтобы кто-то полюбил ее, надеясь, что ребенок удовлетворит эту потребность.

После нападения на малышку ребенка у Кейт изъяли, но вскоре, примерно через пять месяцев после рождения первого ребенка, она забеременела вторым. Мне казалось, что Кейт совершенно не осознавала того факта, что ее считали серьезным фактором риска для ребенка, находящегося на ее попечении, и думала, что встречается со мной для того, чтобы получить «некоторые советы о том, как ухаживать за двумя младенцами». Хотя я неоднократно четко объясняла ей мою роль в сложившейся ситуации, заключающуюся в том, что я должна была подготовить отчет с экспертной оценкой для суда, Кейт, казалось, не понимала этого. Она относилась ко мне с высокой степенью доверия и надежды, что было одновременно трогательным и удручающим. Экспертиза показала, что Кейт, судя по всему, не обладала способностью понимать и удовлетворять потребности своих детей, кроме того, согласно результатам официального тестирования когнитивных способностей, проведенного моим коллегой, у нее были значительные трудности с обучаемостью. Риск, которому Кейт могла подвергнуть своего ребенка в виде пренебрежения его потребностями или нанесения ему физической травмы, был весьма значительным. Таким образом, было выявлено, что единственной надеждой на возвращение дочери Кейт под ее опеку будет получение ими совместной поддержки со стороны опытной приемной матери, которая сможет дать Кейт пример заботы и контейнирования. Подобная попытка уже имела место, когда Алане было три недели, однако решение о приемной семье было отменено по причине крайней зависти Кейт к тому вниманию, которое приемная мать оказывала ее ребенку. Эта зависть была для Кейт непереносимой – она сама жаждала такой материнской заботы к себе. Низкий уровень самооценки Кейт приводил к тому, что, сталкиваясь с критикой, она чувствовала себя настолько опустошенной, что даже малейшие подсказки о том, как ей улучшить свою чувствительность к потребностям малышки, приводили ее в ярость.

Я направила Кейт в местную группу по работе с труднообучаемыми и порекомендовала ей согласиться на психотерапевтическую поддержку, чтобы там ей помогли пережить недав-

ную разлуку с дочерью и получить возможность обсуждать способы управления захватывающими ее чувствами безысходности и ярости, которые она направляла как на себя, так и на своего ребенка. Представлялось маловероятным, чтобы Кейт оказалась способна справиться с удовлетворением потребностей своего второго ребенка без помещения ее в поддерживающее и упорядоченное окружение на долговременной основе. Вполне возможно, что и этого ребенка не доверили бы ее попечительству. Это стало бы еще одной существенной потерей для Кейт, не в последнюю очередь потому, что она не хотела бы утратить иллюзию, что ее любят и о ней заботятся.

Как беременность, так и материнство оказались для Кейт переживаниями глубоко тревожными, близкими к ее опыту преследования, разворошившими невыносимые воспоминания и чувства этой одновременно уязвимой и предрасположенной к насилию женщины. Переживаемое ею чувство отчужденности от собственного тела, вызванное беременностью, представляется наглядной иллюстрацией того, как ее скудный опыт получения материнской заботы и опеки лишил ее безопасного ощущения своего женского тела. Во время беременности она воспринимала свое тело как ненадежный и пугающий объект, что отражало ее младенческий опыт встречи с депрессией и эмоциональной недоступностью ее собственной матери. У нее было некое представление, в котором она бессознательно отождествляла себя с нечеловеческим младенцем, который жаждал убить и желания которого, адресованные ее матери, не нашли удовлетворения. Кейт, казалось, была мучима практически психотическим переживанием нереальности и страха перед тем, что происходило с ее телом во время беременности. Для этой женщины, у которой почти не было внутренних ресурсов и интернализированного представления о матери, опыт беременности оказался одним из наиболее труднопереносимых переживаний насилия и преследования.

Обсуждение

Бессознательные фантазии в период беременности

Во время беременности женщина нарциссически идентифицирует себя со своим плодом, и это возрождает ее инфантильные фантазии о себе как о ребенке в теле ее матери. Это может привести к возобновлению интенсивных амбивалентных чувств по отношению к этой матери, к интернализированной репрезентации ее и себя как ребенка. Если враждебность, неотделимая от этих амбивалентных чувств, слишком велика, то женщина может ощущать свою неспособность позволить жить настоящему ребенку, находящемуся внутри нее. С другой стороны, она может не чувствовать себя в силах разрешить этому ребенку отдельную психическую жизнь, рассматривая его как свое нарциссическое расширение. Понятие о нарушенном материнстве, описанное Э. Вэллдон, явно согласуется с описанными Д. Пайнз психическими процессами, вследствие которых молодая женщина со скудным или нарушенным опытом воспитания в детстве может находить задачи материнства трудными, если не неразрешимыми.

Для женщин, которые не испытали в собственном детстве «достаточно хорошего» отношения и заботы со стороны матерей, с сопутствующей интернализацией и интеграцией в личный опыт телесных переживаний, неизбежен регресс, связанный с беременностью, который может показаться пугающим. Кроме того, «с одной стороны, инфантильное желание слиться воедино с матерью, а с другой – страх перед таким слиянием, вызвавшим в прошлом провал в дифференциации себя и объекта, могут вновь возвратиться к жизни» (Pines 1993, p. 99). Сепарация – индивидуация ребенка зависит также от отношений его матери с отцом и ее способности наслаждаться своим взрослым сексуальным телом. Беременность предлагает женщине форму биологической идентификации со своей собственной матерью, что может быть для жен-

щины чрезвычайно пугающим – в зависимости от ее опыта получения материнской заботы в детстве и текущих социальных обстоятельств.

Задачи развития, с которыми сталкиваются беременные молодые женщины и девочки-подростки, требуют изменения их отношения к своим подростковым телам или идентификации с их собственными матерями. Это может вновь пробудить их ранние трудности и вызвать симптомы, защищающие от психической боли, особенно в тех случаях, когда сепарация от матери не была достигнута на ранних стадиях развития. Лауфер связывает эту сложность с эдиповым комплексом и требованием, чтобы он был разрешен так, чтобы девочка идентифицировала себя со своей матерью и считала себя обладающей телом без пениса. Это в дальнейшем потребует от девочки отбросить фантазию о том, чтобы обладать своей матерью и оплодотворять ее так, как это мог бы делать мужчина; девочка должна также отказаться от фантазии доставить матери сексуальное удовлетворение. Утрата этой всемогущей фантазии может породить у ребенка серьезную тревогу:

Больше всего меня впечатлила способность некоторых женщин отрицать подлинную сущность изменений, происходивших с ними и воплощаемых в их неодолимой потребности атаковать свои собственные тела или, позднее, тела своих детей во время прохождения критических периодов развития.
(*Laufer, 1993, p. 69*)

Подобное явно прослеживалось в случае с Кейт, которая описывала свою беременность как «ужасающую», говоря о ней: «Я просто не знала, что внутри меня». Это высказывание раскрывает ее страх перед собственным бессознательным желанием убить свою мать, ребенка и саму себя. На протяжении всей беременности Кейт совершала жестокие покушения на свое тело, нацеленные на то, чтобы изгнать ребенка из утробы, поскольку ее ужасные переживания, связанные с беременностью, казались ей невыносимыми. Кейт не давал покоя как осознаваемый, так и бессознательный страх, что внутри ее тела развивается ядовитое существо. Представляется также весьма вероятным, что опыт сексуального насилия, пережитый Кейт ранее, сделал ее очень чувствительной к насильственному вторжению в ее внутреннее пространство и нарушению его границ, и вследствие этого нерожденный ребенок воспринимался ею как угрожающий и преследующий объект. Жестокое поведение Кейт можно понять как реакцию на пережитую ей самой в детстве травму насилия и сексуального злоупотребления, которая была подкреплена недостаточной привязанностью в отношениях с ее собственной матерью, что и привело к формированию первертных защит, таких как склонность полагаться на физическое насилие и мощная идентификация с младенцем, жаждущим убить (De Zulueta, 1993). Сочетание телесных и эмоциональных состояний во время первой беременности является, как описывает Пайнз, мощным стимулом реактивации более ранних переживаний женщины:

Молодая женщина может начать осознавать примитивные, ранее вытесненные фантазии и конфликты, возникшие из инфантильных сексуальных теорий о концепции зачатия, внутриутробной жизни и рождении. Из этого следует, что положительные и отрицательные аспекты себя и объекта могут быть спроецированы на скрытый от взглядов плод, как если бы он являлся ее расширением.
(*Pines, 1993, p. 100*)

Реактивация более ранних переживаний может носить навязчивый, преследующий характер, приводя к сильным чувствам гнева и страха в отношении развивающегося ребенка. Эти страхи могут выражаться в виде сильного опасения родить ребенка с нарушениями или уродствами, что иллюстрирует величину чувства вины за роящиеся в голове разрушительные импульсы и желание убить ребенка. Эти страхи могут сосуществовать с фантазиями о нарциссической завершенности, о том, что еще неродившиеся дети предложат матери безусловную

любовь и заботу. Эта надежда была ясно выражена Кейт, которая сказала, что мечтала родить ребенка, чтобы иметь «что-то мое собственное... кого-то, кто любил бы меня».

Поскольку состояние беременности может как подпитывать фантазии женщины о целостности и созидательности, так и, наоборот, пугать ее мыслями о вторжении, заражении и убийстве, угроза которых исходит изнутри ее самой, опыт ответственности за другого человека, беспомощного, но требовательного младенца, может включать в себя совершенно различные наборы фантазий и состояний. Это наглядно видно на примере тех сложностей и нарушений, с которыми столкнулась Кейт во время своей беременности и материнства и которые в результате привели ее к жестоким покушениям на ребенка, как во время беременности, так и после родов, и как внутри, так и вне ее собственного тела. Время от времени это различие казалось ей утраченным, будто она и ее ребенок были слиты воедино.

Промискуитет и беременность

Беспорядочные половые контакты с бессознательной целью «заполучить» беременность могут отражать отчаянную и неудовлетворенную потребность молодой женщины в материнстве, ощущении завершенности и «целостности», которой, как ей казалось, она была лишена.

Физиологически зрелое и сексуально живое тело молодой женщины определяет ее статус взрослого человека, но также и позволяет ей отщеплять и отрицать болезненные эмоциональные состояния за счет подмены телесными ощущениями. Таким образом, чувства любви либо ненависти к себе или к объекту могут быть конкретным образом выражены, депрессия устранена, а самооценка повышена. Вследствие этого половой акт, который для внешнего мира кажется актом взрослой генитальной сексуальности, может бессознательно стать средством удовлетворения неутоленной прегенитальной тоски по матери и материнской заботе. Мать является для ребенка символом как среды, в которой проходит его созревание, так и самого материнского ухода. Физическое присутствие матери и ее эмоциональное отношение к своей дочери и ее телу интегрируются с опытом самой дочери и ее сознательными и бессознательными фантазиями о своем теле. Сформированная таким образом репрезентация интроецированной материнской фигуры становится для дочери на всю жизнь моделью, с которой она идентифицируется и от которой себя дифференцирует.

(Pines, 1993, p. 102)

Пайнз, в отличие от Фрейда, не считает, что беременность и рождение удовлетворяют желание каждой женщины получить компенсацию за отсутствие у них полового члена. Она утверждает:

Существует четкое различие между желанием забеременеть и желанием произвести живого ребенка на свет и стать матерью. Что касается примитивных тревог и конфликтов, связанных с решаемыми на протяжении всей жизни женщины задачами сепарации – индивидуации от ее собственной матери, то они могут быть неожиданно выявлены в эмоциональном опыте первой беременности и последующего материнства.

(ibid., p. 98)

Важность работы Пайнз заключается в том, что в ней прослеживается процесс развития нарушенного материнства через фантазии женщины во время ее беременности, направленные на ее идентификацию с внутренней репрезентацией собственной матери, «физически

усиленные» во время беременности. Для нарушенных матерей эта интернализованная мать будет также первертным объектом.

Передача нарушенных моделей привязанности

Важное эмпирическое исследование путей передачи нарушенных моделей привязанности между поколениями исходит из теории привязанности, базирующейся на основополагающей работе Джона Боулби. Ранний опыт пребывания в небезопасной среде и определенные стили воспитания, не отвечающие потребностям и желаниям младенца, связываются с последующими трудностями в социальном функционировании. Нарушение привязанности в детстве может привести к проблемам в выстраивании доверительных и стабильных отношений с партнерами, в воспитании своих детей и формировании с ними безопасной привязанности (Fonagy, 1991; Fonagy et al., 1995). Отсутствие доверия и безопасности в ранние годы жизни может иметь долгосрочные последствия в отношении моделей привязанности в более старшем возрасте. Опыт небезопасной привязанности в начале жизни имеет связь с расстройствами личности в зрелом возрасте и изучается в случае взрослых респондентов с использованием интервью о привязанностях для взрослых (AAI), представляющего собой полуструктурированную схему психодинамического интервью, которое позволяет получить богатые качественные данные о характере воспитания в детстве, на основании которых могут быть выявлены конкретные стили воспитания. Респондентов просят описать свои ранние привязанности, чувства к родителям, а также значимые потери или травматические переживания в детстве. Затем привязанности классифицируют по четырем типам, по большей части основываясь на стиле их описания респондентами: «надежный тип привязанности», «тревожно-избегающий тип привязанности», «тревожно-устойчивый тип привязанности» и «дезорганизованный/дезориентированный/неразрешенный тип привязанности» (Holmes, 1993).

Было установлено, что классификация по этим типам привязанности на основе ААИ предсказывает конкретные стили родительского поведения с их собственными детьми, о чем свидетельствует наблюдение за реакцией малышей на временную сепарацию от матери или лица, осуществляющего уход, которая была выявлена в ходе эксперимента по методу Эйнсворт «Незнакомая ситуация» (Ainsworth et al., 1978).

Результаты прохождения беременными матерями ААИ позволяли предсказывать тип привязанности к рожденным ими младенцам в возрасте одного года с точностью до 70 % (Fonagy et al., 1991). Такая эмпирическая работа доказывает, что существует передача моделей нарушенного воспитания между поколениями, и определяет в общих чертах возможные механизмы возникновения психического вреда. Например, девочка, мать которой не может позаботиться о ее нуждах, впоследствии развивает небезопасную привязанность, в которой хочет, чтобы ее мать была с ней все время, поскольку у самой девочки отсутствует внутреннее ощущение матери.

Такое отсутствие интернализованного ощущения надежной матери приводит к навязчивости в поведении, попыткам остаться с матерью и острому чувству брошенности и страха, возникающему в моменты, когда ребенка оставляют в одиночестве, как будто мать никогда уже не вернется. Согласно психоаналитической терминологии, объектные отношения девочки искажаются и она вполне может проявлять качество «прилипчивости» в ходе психотерапии, совершая отчаянные попытки «цепляться» за терапевта и опасаясь, что о ней не будут думать вне непосредственного физического присутствия. Ситуации сепарации могут казаться ей невыносимыми.

В недавней работе Бейтмана и Фонаги исследуется, как у людей с ранними нарушениями привязанности формируются и развиваются трудности в ментализации своих собственных эмоциональных состояний и эмоциональных состояний других людей (Bateman, Fonagy, 2004).

Вместо ментализации такие люди реализуют свои сложные чувства в импульсивном поведении, включая насилие в отношении себя или других. Существует растущая доказательная база, выстроенная на лежащей в основе поведения этих личностей модели нарушенной привязанности, для проведения психотерапии, нацеленной на устранение трудностей в ментализации определенных состояний психики.

Неудачные попытки лиц, осуществляющих уход за малышом, отзеркалить и отрефлексировать его поведение создают в дальнейшем трудности в рефлексивном функционировании самого этого ребенка. Данная работа в большой степени основывается на типах процессов, описанных в данной главе, на способах передачи моделей нарушенных привязанностей между поколениями и на глубинных причинах развития подобных трудностей.

В следующих главах подробно описывается, как эти трудности проявляются в различных актах насилия со стороны женщины в отношении детей, самой себя и партнеров, со ссылкой на модели женского насилия, описанные выше.

Глава 2. Женское сексуальное насилие над детьми

Страхнув с себя скуку, Руфь спешила приготовить ужин, стараясь успеть до прихода мужа из конторы. Всего две радости она втайне позволяла себе – к одной из этих радостей был причастен ее сын и сама комната, в которой она ей предавалась, в какой-то мере тоже усугубляющая удовольствие. Здесь царил зеленоватый влажный полумрак, так как сосновые ветви прикрывали все окно и приглушали свет. Эту маленькую комнату доктор называл когда-то кабинетом, а теперь, кроме швейной машинки и манекена в углу, здесь стояло лишь кресло-качалка да скамеечка для ног. Руфь садилась, устраивала сына на коленях и кормила его грудью, не отводя взгляда от его закрытых глаз. Ее побуждало вглядываться с такой пристальностью в его лицо не столько чувство материнской нежности, сколько нежелание глядеть на его свисавшие чуть не до пола ноги.

В конце дня, когда муж запирал контору и отправлялся домой, Руфь заходила в маленькую комнату и звала сына. Он входил, она расстегивала блузку, улыбаясь. Он был еще так мал, что его не смущала ее обнаженная грудь, но безвкусное материнское молоко ему не нравилось – для этого он уже достаточно вырос, а потому входил он неохотно, как бы выполняя надоевшую обязанность, а выполнял он ее ежедневно и, втягивая пресное сладковатое молоко, старался не сделать нечаянно матери больно зубами.

В ней отзывалось все, что было в нем: принужденность, безразличие, вежливая покорность, – и воображение ее работало вовсю. У нее было вполне отчетливое ощущение, будто он вытягивает из нее нить света. Ей казалось, из нее струится золото, виток за витком. Она была как дочка мельника, та самая, что просидела ночь на сеновале, наделенная волшебной силой, которой одарил ее Румпельштильцхен, – она тоже воочию видела нить золотой пряжи, струившуюся из нее. И в этом она тоже черпала наслаждение, и было невозможно от него отказаться.

«Песнь Соломона» (Morrison, 1998)

Женское сексуальное насилие над детьми: абсолютное табу

Тот факт, что женщины могут осуществлять и осуществляют сексуальное насилие над детьми, в серьезной мере угрожает социальным стереотипам материнства и женственности. Хотя данные криминальной статистики стабильно показывают, что женщины совершают лишь 1 % от всех правонарушений на сексуальной почве (Home Office, 1993, 1998, 2003, 2006), существуют свидетельства по другим показателям и из других источников, включая самоотчеты жертв сексуального насилия, что эта цифра не отражает истинный уровень насилия со стороны женщин. В недавнем ретроспективном исследовании, проведенном в США и основанном на самоотчетах, Дьюб с соавторами обнаружили, что мужчины говорили о совершении женщинами порядка 40 % преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних, в то время как женщины говорили лишь о 6 % таких случаев (Dube et al., 2005). Форд приводит данные детской службы доверия Великобритании ChildLine за 2004–2005 гг., в которых указывается, что 3 % девочек, звонивших на горячую линию, заявляли о насилии со стороны женщин и 2 % – о насилии со стороны их собственных матерей, в то время как мальчики сообщали о насилии со стороны женщин в 25 % случаев и в 16 % – о насилии со стороны матерей (Ford, 2006). Очевидно, что официальная статистика, касающаяся уголовного судопроизводства по подобным случаям, демонстрирует иную картину. Сексуальное насилие,

совершаемое женщинами, судя по всему – то преступление, показатели которого сильно занижаются (Ford, 2006; Saradjian, 1996).

Последствия женского сексуального насилия в значительной степени недооцениваются жертвами по нескольким причинам. А именно: большее чувство стыда, связанное со злоупотреблением со стороны матери или других женщин; преобладающее в социуме представление о мужчинах-преступниках и женщинах-жертвах; сложная и сильная эмоциональная привязанность детей к их матерям или женщинам-опекунам и страх, во многих случаях оправданный, что им не поверят. Идея о том, что некоторые матери или женщины детородного возраста совершают сексуальное насилие в отношении детей, является в обществе недопустимой, она бросает вызов идеализированным представлениям о материнстве и женственности.

С признанием существования материнского сексуального насилия дело обстоит сложнее, нежели с признанием материнского физического насилия. Даже после того как впервые был выявлен «синдром избиваемого ребенка» и ему дали определение, чувства возмущения и недоверия по-прежнему присутствуют среди широкой аудитории. Неспособность признать возможность женского сексуального насилия отражает общую тенденцию отрицания женской сексуальности в целом и женских перверсий в частности.

Табу материнского инцеста остается поразительно мощным, что затрудняет его концептуализацию: «Сохранение в секрете и отрицание сексуального насилия по-прежнему остается обычным делом, особенно когда человек, совершивший действия насильственного характера, является женщиной» (Saradjian, 1996, p. xiii). Беспрепятственный доступ к детям, который есть у женщин – матерей, нянь, детских медсестер, гувернанток и помощниц по дому, а также интимный характер их обычного взаимодействия с детьми (например, во время купания, переодевания, кормления, смены подгузников, нанесения кремов и лосьонов) позволяют женщинам чрезвычайно легко совершить насильственные действия в отношении детей и злоупотреблять своими полномочиями именно в рамках ухода за ними. Эти факторы позволяют также скрыть эпизоды насилия, что предоставляет множество возможностей для первертного обращения с детьми. Сама женщина-насильник зачастую не дифференцирует сексуальный контакт с детьми и искреннюю привязанность к ним, что отражает ее собственный детский опыт. Ранний опыт сексуального насилия может предрасположить женщину к совершению впоследствии преступлений насильственного сексуального характера в отношении детей.

Криминальная статистика показывает, что в 1995 г. в Англии и Уэльсе 4600 мужчин и 100 женщин были осуждены по предъявленным им обвинениям в сексуальных преступлениях против детей и еще в 2500 случаях были вынесены предупреждения (Home Office, 1995). Были проанализированы процессуальные дела со случаями сексуального насилия, где жертвам было менее 16 лет. В результате оказалось, что 1350 дел закончились вынесением предупреждений, 34 из них – предупреждения женщинам. В 3284 случаях последовало предъявление обвинения, только 30 – женщинам, и 2554 обвинительных приговора, 19 из которых было в отношении женщин. В «Криминальной статистике» 1997 г., документировавшей зарегистрированные по Англии и Уэльсу за этот год преступления, указано, что из 6500 преступников, признанных виновными в сексуальных преступлениях во всех судебных инстанциях, только 100 были женщинами. Это вновь указывает на существенное расхождение между зарегистрированным количеством преступников мужского и женского пола, совершившими преступления на сексуальной почве.

В исследовании Грубина по вопросам сексуального насилия в отношении детей, выполненном для Home Office, говорится, что зарегистрированные случаи сексуального насилия, совершенного женщинами, довольно нетипичны (Grubin, 1998). По данным «Криминальной статистики», менее 1 % преступлений сексуального характера совершалось женщинами, хотя выборки среди преступников показывают бóльшие цифры (Home Office, 1998). Так Краиссати и Мак-Клерг (Craissati, McClurg, 1996) отмечали, что в 7 % сексуальных злоупотреблений,

о которых сообщали взрослые мужчины, сексуальными преступниками были женщины, а в США 22 % подростков-правонарушителей мужского пола с историей сексуального насилия заявили, что их насильником была женщина (Ryan et al., 1996). Меньшие показатели, опубликованные в «Криминальной статистике», которые основывались на задокументированных преступлениях, являются, как полагает автор, свидетельством того, насколько трудно определить и выявить сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних, совершаемое преступниками женского пола:

Вопрос о женщинах как о преступницах, совершающих сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних, начали рассматривать всерьез только в последние 15 лет, и реальный масштаб этой проблемы определить гораздо сложнее, чем в случае с преступниками мужского пола. Разумеется, часть трудностей, связанных с определением масштаба проблемы, обусловлена определением сексуального насилия как такового, поскольку женщинам западных государств, в отличие от мужчин, предоставляется большая свобода в плане физического взаимодействия с детьми. К тому же открытая сексуальная активность между взрослой женщиной и мальчиком может и не расцениваться последним как «сексуальное насилие», даже если он эмоционально не готов к этому и в результате подобной активности оказывается психологически дестабилизирован (Johnson, Shreier, 1987). Действительно, несмотря на свое смятение, несовершеннолетний может быть воодушевлен и склонен рассматривать произошедшее как свидетельство его мужественности и половой зрелости.
(Grubin, 1998, p. 28)

Это наводит на мысль о другой причине малого количества свидетельств материнского сексуального насилия, а именно в определенной двусмысленности природы самого акта насилия, как это отображено в приведенном в начале главы фрагменте «Песни Соломона» Т. Моррисона. Как показано в отрывке, мощный нарциссический элемент может побуждать женщину к грудному вскармливанию, которое, в свою очередь, способно становиться все более «опьяняющим» опытом для матери в той мере, в какой она продолжит кормить своего ребенка ради собственного удовольствия. Моррисон прекрасно описывает скрытность этой кормящей матери, находящейся в поисках «бальзама» против тяжких повседневных забот. Ей так нравится ее способность к лактации и чувственное наслаждение от переживаний во время кормления, что она пытается избежать признания возраста ребенка, чтобы не испортить свои фантазии или не подавить их реализацию. Является это сексуальным насилием или просто отступлением от реальности в материнскую фантазию кормления ребенка, идущую вразрез с тем фактом, что ребенку больше четырех лет? Мать, похоже, знает, что в их отношениях что-то не так, но она не в силах отказаться от своей «тайной поблажки самой себе». Неоднозначность ситуации, описанной в отрывке, состоящей из сочувствия к персонажам и одновременно намеков на материнскую перверсию, пример того, как сложно концептуализировать материнское сексуальное насилие.

Определение сексуального насилия, совершенного в отношении детей

Клинические определения сексуального насилия, совершенного в отношении детей, как правило, формируются на основе трех параметров: разница в возрасте между правонарушителем и ребенком в пять лет и более; специфическое сексуальное поведение, такое как пальцевое проникновение, оральный секс, проникновение во влагалище или анус с использованием пениса или каких-то предметов; эксгибиционизм, порнографическая фотосъемка, поцелуи,

ласки в области гениталий или груди, а также принуждение ребенка трогать взрослых или мастурбировать им (Craissati, 1998). Существует неопределенность, так называемые «серые зоны», в отношении некоторых вопросов: какова степень наготы, принятая в семье, в каком возрасте (если вообще подобное имеет место) находятся дети, когда своей наготы начинают стыдиться родители и они сами, практикуется ли совместный сон с детьми в обнаженном виде и демонстрация сексуального влечения между взрослыми. «В настоящий момент довольно мало постоянных и последовательных социальных договоренностей о том, как именно семейные и культурные нормы могут повлиять на определение какого-либо поведения как насильственного» (Craissati, 1998, p. 3).

Неоднозначность в концептуализации женского сексуального насилия, в отличие от относительно четкой концептуализации в случае посягательств непристойного характера либо инцеста, судя по всему, усиливает трудности в осмыслении, выявлении и расследовании данной формы правонарушения. Свое описание уровней сексуального насилия со стороны женщин предлагает Касл (Kasl, 1990), и это описание цитирует Форд (Ford, 2006). Касл распределяет насильственное поведение по группам согласно иерархии, используемой ее коллегой Карлсоном.

1. Уголовно наказуемые преступления, такие как оральный секс, мастурбация и половой акт.
2. Правонарушения, такие как вуайеризм, обнажение на глазах у несовершеннолетнего, соблазнительные прикосновения, объятия или поцелуи сексуального характера, чрезмерный уход или флирт.
3. Вторжение в личное пространство, включая клизмы, совместное купание после достижения ребенком определенного возраста, чрезмерное промывание крайней плоти, назойливые вопросы о физиологическом функционировании организма.
4. Ненадлежащие отношения, создаваемые взрослым, включая замену ребенком отсутствующего партнера, использование его для эмоциональной поддержки, совместный с ребенком сон, использование его в качестве доверенного лица.

Именно в последней категории наиболее четко раскрывается двусмысленность и сложность процесса концептуализации сексуального насилия со стороны матерей. Однако даже на более высоких уровнях предложенной иерархии существует неоднозначность в определении того, что есть насильственное поведение, например, как в случае с понятиями «флирта» и «объятий сексуального характера». Здесь необходимо отметить, что подобные действия не признаются правонарушениями с позиции закона. Касательно наименее жестоких форм насилия вполне очевидно, что культурные и семейные нормы могут в значительной степени варьироваться в отношении определения того, какое поведение является приемлемым. Это может касаться, например, совместного сна с ребенком или обращения к нему за эмоциональной поддержкой. Поведение, описанное в четвертом пункте представляется более характерным для эмоционального, нежели для сексуального насилия, и становится очевидным искусственное разграничение между этими категориями. Физическое, эмоциональное и сексуальное насилие вовсе не обязательно взаимно исключают друг друга, и, к сожалению, все три вида могут иметь место одновременно. Действительно, трудно представить, чтобы эмоциональное насилие не сопровождало бы каждый случай физического или сексуального насилия, совершаемого в отношении ребенка.

Интересно, что Касл считает «чрезмерный уход» проявлением насилия, расцениваемым ею как правонарушение, хотя в уголовном праве соответствующего преступления в явном виде не предусмотрено. Опять-таки нормы в различных сообществах сильно различаются с точки зрения принципов, которыми следует руководствоваться при грудном вскармливании,

и в некоторых культурах случаи чрезмерного грудного вскармливания связаны скорее с местными нормами, верованиями, принципом необходимости и традициями, а не с сексуальным насилием, совершаемым матерями. В других ситуациях, в случае с конкретной женщиной, грудное вскармливание, являющееся само по себе наивысшим и наиболее естественным актом материнской заботы, может иметь другие функции. Как показано во вступительном отрывке из произведения Тони Моррисона, нарциссическое удовлетворение матери, кормящей грудью своего сына даже после того, как тому исполняется четыре года, раскрывает тот аспект, в котором она использует его как объект, удовлетворяя свои потребности, и не обращая должным образом внимания на ход его развития или на него самого.

Психологическое влияние материнского сексуального насилия

Эмоциональное воздействие сексуального насилия на детей глубоко, а сам этот опыт свертывает в смятение. При сексуальном злоупотреблении потребности детей в физическом внимании и уходе удовлетворяются сексуальным образом, замысловато связывая этот опыт заботы и сексуальное возбуждение. Это не позволяет им различать эдипальную фантазию и реальность, поскольку их бессознательные сексуальные желания в отношении их матери или отца действительно осуществлены в этой самой реальности. Нарушающее физические границы ребенка сексуальное насилие со стороны женщины также может быть эмоционально разрушительным для него. Приглашение попасть внутрь материнского тела является пугающей и тревожащей перверсией желания и предлагает ребенку такую степень власти и ответственности, с которыми он не может справиться. Это приглашение может быть разрушительным и приводящим в смятение именно потому, что оно является первертным воплощением желания или повторением инфантильной деятельности, например, сосания материнской груди. Ребенок не может чувствовать уверенность в том, что существует устойчивый барьер, отделяющий фантазию от реальности. Понятно, что бессознательные стремления младенца к матери, например, к тому, чтобы быть внутри нее, чтобы сосать ее грудь или полностью ею владеть и убить отца, — это фантазии, которым нужно противостоять, чтобы ребенок чувствовал, что он не всемогущ. Для того, чтобы преодолеть преэдипальные и эдипальные стремления, ребенку в реальности требуются несексуальные отношения с матерью и осознание того, что он не может уничтожить ни отца, ни родительскую пару. Это необходимый этап психического развития. Поощряемые или исполняемые по принуждению, эти фантазии наносят значительный психологический ущерб ребенку, который может усвоить эту запутанную и извращенную модель заботы. Тот факт, что на каком-то уровне, возможно, было желание исключительно сексуального контакта, только усиливает возникающий ущерб и конфликты, поскольку оставляет ребенка с чувством вины, столь часто описываемой жертвами сексуального насилия в детстве. Кирста описывает как широко распространенные трудности в принятии факта существования женской перверсии, так и ее последствия для жертв:

Один из устойчивых мифов, связанных с женским сексуальным насилием, заключается в том, что по причине естественной женской заботливости, а также психических и физических особенностей женщин, слово «насилие» должно быть признано неверным наименованием и противоречием в терминологии. То, о чем мы говорим, на самом деле, является любовными проявлениями близости и заботы, которые могут граничить с эротическими, либо ошибочно восприниматься ребенком как сексуально окрашенное или насильственное действие, как, например, когда матери поглаживают своих детей и ласкают их таким образом, что неосознанно задействуют генитальный контакт, способный вызвать возбуждение. Это одно из заблуждений, от влияния которого мы должны полностью избавиться,

чтобы весь ужас некоторых видов насилия был все-таки когда-либо признан, а жертвам была бы на самом деле оказана помощь в восстановлении после травмы.

(Kirsta, 1994, p. 281)

Тело девочки, так же как и ее разум, повреждается в результате сексуального контакта со взрослым. Такие действия переживаются ребенком как в высшей степени насильственные и нарушающие личное пространство, порой болезненные физически, и, если они сопровождаются ее собственным сексуальным возбуждением, – как очень сбивающие с толку, в особенности, когда девочка подрастает достаточно, чтобы осознать смысл насильственных действий. В случае с материнским сексуальным насилием над детьми самые базовые для ребенка взаимоотношения, в которых доверие и контейнирование имеют первостепенное значение, превращаются в навязчивое, пугающее и требовательное соблазнение и/или насилие.

В тех случаях, когда жертвами сексуального насилия становятся мальчики, зачастую присутствует убеждение, будто им понравилось взаимодействие с насильником и они не чувствовали себя используемыми или получившими урон. В подобном представлении о насилии как ожидаемом, желанном или доставившем удовольствие, не учитывается тот факт, что сексуальное насилие над детьми определяется не исходя из того, чувствовал ли ребенок (он или она), что его эксплуатируют и им злоупотребляют, а исходя из характера действий взрослого по отношению к ребенку. Дети не в состоянии дать информированное согласие на сексуальные отношения в том смысле, в котором это могут сделать взрослые люди.

Женское сексуальное насилие в отношении мальчиков-подростков может быть представлено как «соблазнение» или «инициация», а не эксплуатация или вредоносная деятельность взрослого в отношении несовершеннолетнего.

Случаи, когда жертва женского сексуального насилия – мальчик-подросток, который родственно не связан с преступницей, часто представлены в таком свете, что ущерб, нанесенный мальчику, минимален. Одним из таких примеров является случай с Мэри Кей Летурно, учительницы, которая имела половые сношения с 13-летним учеником (Fualaau, 1998). Первоначально окружающим, в том числе ее мужу, было очень трудно признать, что у нее были сексуальные отношения с подростком-жертвой. Тривиальная реакция журналистов и фотографов, работающих на таблоиды, которые, как оказалось, были взбудоражены идеей о привлекательной женщине, «соблазняющей» своего ученика, иллюстрирует тип предубеждений о сексуально ненасытной природе мальчиков-подростков и влияние мифов о соблазнении. Подразумевалось, что мальчик-подросток «обязательно» счел бы сексуальные взаимоотношения с женщиной старше себя удовлетворяющими эмоционально и в интимном плане. На телевидении в спецвыпуске шоу «Панорама», посвященном «расследованию» этого дела, выяснилось, что единственным человеком, который прямо характеризовала Летурно как преступницу, совершившую правонарушение сексуального характера, была офицер полиции, женщина, которая явно указала на методы «ухаживания», использовавшиеся Летурно, в том числе предоставление ее ученику возможности завести ее автомобиль, признание его особенным и использование своего рабочего положения в личных интересах. Она применяла методы, которые предпочитают мужчины, совершавшие сексуальное насилие в отношении детей, методы, которые включают выделение отдельного ребенка из группы и постепенное создание особых, часто секретных отношений с ним.

Для некоторых женщин их собственный опыт пренебрежения, депривации и сексуального насилия в прошлом является фактором риска, который способствует сексуальному насилию уже с их стороны в отношении их собственных детей. Поскольку в предыдущей главе уже были рассмотрены корни нарушенной привязанности и модель женской перверсии, теперь это понимание можно применить к женскому сексуальному насилию в отношении детей. Основная функция сексуального надругательства над детьми для женщины-насильника заключается

в том, чтобы предотвратить депрессию и временно избавить себя от невыносимого чувства беспомощности. Насильники могут действительно путать сексуальное наслаждение и привязанность, что связано со смятением и путаницей, возникшими в ходе сексуального насилия над ними самими в детстве, и они вновь воссоздают этот опыт из прошлого – теперь со своими детьми. Также возможно психическое напряжение, побуждающее повторять насильственные действия вновь. Идентификация с агрессором как защита является мощным методом преодоления непереносимых чувств, позволяя бывшим жертвам насилия проецировать свой опыт беспомощности и унижений на детей. Существует также мощное влечение к детям и ассоциация сексуальных отношений с детьми с сексуальным возбуждением и удовольствием, которые могут сопровождаться осознанным пониманием того, что такое поведение является эксплуатирующим и неправильным. Недавние исследования показывают, что женщины, которые совершают сексуальное насилие в отношении детей, имеют такую же степень когнитивных искажений относительно детей, что и мужчины-преступники, согласно результатам по различным показателям риска (Beckett, 2007).

Вместе с тем остается важный вопрос, можно ли переносить модели риска мужчин-преступников на женщин-преступниц, поскольку возможность такого переноса может и не быть такой однозначной. Отношения женщин со своими и чужими детьми и собственной сексуальностью имеют свои сложности и уникальные аспекты:

В настоящее время трудно распределить женщин-преступниц по уровням поддерживающих мероприятий либо вмешательства, основываясь на рисках, которым они подвергаются, и их потребностям, – не только потому, что существующие программы получают ограниченную поддержку, но также и потому, что прямой перенос на женскую группу моделей рисков/потребностей, разработанных для мужчин, может быть неприемлем. Фундаментальный вопрос, на который еще предстоит ответить, заключается в том, обуславливают ли различия между преступниками-мужчинами и преступницами-женщинами расхождения в статических и динамических факторах риска по этим группам. (Ford, 2006, p. 125)

Женское сексуальное насилие рассматривается на примере следующего случая, описание которого опирается на понятия о женской перверсии и о передаче моделей нарушенной привязанности между поколениями.

Клинический случай

Лаура: сексуальное насилие в отношении детей с участием сообщника-мужчины

Лаура была направлена в судебную клиническую психологическую службу для оценки ее способности осуществлять должный уход за своей шестилетней дочерью Элизабет и предоставлять ей защиту после полуторагодичного заключения под стражей по обвинению в двух эпизодах посягательств непристойного характера, совершенных ею в отношении семилетнего мальчика и десятилетней девочки, не являвшихся ее собственными детьми.

Оба ребенка принуждались мастурбировать руками мужу Лауры в ее присутствии, а также она участвовала в принуждении этих детей к позированию для фотографий порнографического характера, на которых они касались его гениталий. Лаура была освобождена из-под стражи за три месяца до того, как попала ко мне. Поскольку она была осуждена за уголовные преступления против детей, Элизабет была внесена в реестр по защите детей под катего-

рией «находящаяся в ситуации риска причинения сексуального вреда». Социальный работник, закрепленный за ее дочерью, запросил процедуру оценки риска потенциальной угрозы, которую Лаура может представлять для своего ребенка, а также экспертную оценку того, пригодна ли Лаура к психотерапии, направленной на решение психологических проблем, связанных с совершенными ею насильственными действиями сексуального характера.

На клиническом интервью Лаура предстала как тучная, приветливая женщина среднего возраста без каких-либо явных симптомов серьезного психического заболевания или признаков трудностей с обучением. Она выражала сильную обеспокоенность по поводу того, что ей приходится посетить амбулаторную клинику при печально известной психиатрической больнице и спрашивала, просили ли меня определить, не «чокнутая» ли она. На ней было мешковатое платье и шлепанцы, на голых ногах виднелись обширные признаки варикозного расширения вен. Передвигалась она очень медленно и в кабинет входила с заметной одышкой. Она шутила и была смешлива почти до агрессивности, и ее частый смех на протяжении всего интервью никак не соответствовал тем пугающим и тревожным событиям, которые она описывала. В ходе интервью она часто пародировала своего бывшего мужа, имитируя его голос и проговаривая яркие заявления сексуального характера. Казалось, что ее шутливость была формой бравады, защитой, скрывающей ее внутреннее беспокойство и дискомфорт. И на самом деле Лаура отменила два следующих тестирования, заявив, что наша первая встреча ее слишком сильно огорчила. Впоследствии она посетила заключительную встречу по оценке ее состояния, предложенную ею самой.

Лаура охарактеризовала свое детство как «обычное», однако описала образ контролирующей, отвергающей матери и далекого, эмоционально недоступного отца. Он часто находился вдали от семьи, неделями не возвращаясь домой, поскольку работал водителем-дальнобойщиком. Во время длительных периодов его отсутствия мать Лауры имела сексуальные отношения с несколькими мужчинами, каждого из которых дети называли «дядя». В течение детских лет Лауры у ее матери были периоды, по-видимому, депрессии, во время которых мать считала Лауру «плохой» и обращалась с ней с некоторым презрением, проявляя весьма незначительную привязанность и заботу.

Лаура была старшей из пяти детей и провела большую часть своего детства, замещая мать в уходе за младшими братьями и сестрами. В возрасте между 8 и 14 годами Лаура подвергалась сексуальному насилию со стороны друга своей матери, человека примерно пятидесяти лет, к которому она относилась как к своему «дяде». Одно из проявлений произошедшего тогда с ней злоупотребления заключалось в том, что он фотографировал ее обнаженной, что требовало тщательной подготовки и большой степени секретности. Он также просил Лауру стимулировать его и мастурбировать ему, а сам в это время гладил ее волосы и лицо. Он мастурбировал ей руками, и периодически она испытывала оргазм. Лаура попыталась рассказать матери о происходившем насилии, но мать ответила «не сочиняй». Оглядываясь назад, сама Лаура характеризовала это злоупотребление как «милое» и рассматривала его как некую форму привязанности и интереса со стороны «дяди». Она чувствовала, что желала этого интереса к себе. Ведь до этого она ощущала себя нежеланной родителями, и ей казалось, что это вмешательство сексуального характера в ее жизнь было единственной формой внимания, получаемого ею от взрослых, которое она могла толковать как «проявление привязанности и заботы». Она чувствовала, что насильник искренне симпатизировал ей, заботился о ней, хвалил ее и в целом обращал на нее внимание. Она очень страдала, когда он прекратил контактировать с ее семьей и с ней, чувствуя, что он ее «бросил», но не видела в этом доказательства того, что его интерес к ней был связан прежде всего с эксплуатацией и надругательством.

Лаура училась в общеобразовательной школе и бросила учебу в возрасте 16 лет, сдав три государственных экзамена и устроившись на работу на фабрику по упаковке продуктов питания, где и работала, пока в 19 лет не вышла замуж за своего первого мужа. Он позволял

себе физические насильственные действия в ее адрес в течение многих лет. Насилие началось, когда в 20 лет она была беременна их первым ребенком. От этого мужа она родила троих детей: дочери сейчас 21 год, одному сыну – 19 лет, и второму – 17. Она разошлась с этим человеком, когда ей был 41 год, и вступила в отношения с мужчиной, который стал ее вторым мужем, – с тем, который в дальнейшем обвинялся по уголовному делу вместе с ней. Ее дочь Элизабет была результатом этого брака. На момент вынесения решения о психологическом состоянии Лауры ее второй муж отбывал свой срок заключения за противоправные деяния непристойного характера, о чем написано выше. Трое ее старших детей были опрошены социальными службами, они отрицали, что когда-либо подвергались сексуальному насилию, демонстрируя шок в связи с обвинением их матери в совершении преступлений сексуального характера и приписывая вину ее второму мужу.

Наблюдения

Поразительно, что описывая все совершенные ею сексуальные преступления, Лаура подражала голосу своего мужа, как будто она была неспособна понести ответственность за свою роль в преступлении и отрицала свое собственное возбуждение и удовлетворение. Она была неспособна описать пережитое жертвами с каким-либо реальным чувством сопереживания или сострадания и находила затруднительным представить, как они чувствовали себя во время и после жестокого обращения с ними. Она считала себя жертвой травли со стороны мужа, видя себя обделенной независимостью действий или волеизъявления, и ссылаясь на те презрительные прозвища, которые давал ей муж, а также на то, что постоянное принижение ее значимости с его стороны свело в ней на нет всякое чувство независимости, достоинства или гордости. Она вспоминала, как он публично оскорблял ее, называя «жирной мандой», и призывал других поучаствовать в ее унижении. Лаура считала, что у мужа был чрезмерный интерес к мастурбации, и добавляла, что он вел себя садистично по отношению к ней, заставлял мастурбировать ему и сильно бил, если ей не удавалось доставить ему удовольствие. Ее имитации его голоса были точными и очень детальными, как будто она всецело находилась «в роли».

Свои сексуальные преступления Лаура обосновывала пережитыми от своего бывшего мужа принуждением и травлей; она отрицала то, что инициировала насильственные действия или что получала от этих действий какое-либо удовлетворение. Она побудила семилетнего мальчика и десятилетнюю девочку, признанных жертвами, сопровождать их с мужем на отдых в кемпинге, где делала непристойные фотографии обоим детям в то время, пока они мастурбировали ее мужу. Вспоминая эти события, она признала, что это было неправильно, однако постоянно подчеркивала, что сама она не «заходила» в процессе фотосъемки. Она утверждала, что эти фотографии остались у ее мужа, который обращался к ним во время мастурбации. Она призналась, что дети выглядели «красивыми», но отрицала, что находила их сексуально возбуждающими. Она сводила к минимуму ту степень принуждения, которой подвергались дети, когда их заставляли мастурбировать мужу, и выказала очень малую осведомленность о том, что дети могли чувствовать себя напуганными, смущенными и несчастными. Когнитивные искажения Лауры, проявленные ею при описании ее собственного опыта насильственных отношений в детстве как оправданного, а также ее восприятие детей как приглашающих к фотографированию себя и наслаждающихся этим процессом явно демонстрируют ту степень, до которой она не была способна идентифицировать приемлемые границы между взрослыми и детьми, рассматривая последних как полноправных партнеров, давших свое согласие на сексуальные действия с ними.

Похоже, что страдая от низкой самооценки, Лаура практически не сформировала чувства собственной идентичности. Она имела выраженную эмоциональную зависимость, а также сильно искаженное представление о сексуальном насилии в отношении детей, чему в значи-

тельной степени способствовал ее собственный опыт сексуального использования, происшедший в условиях острой эмоциональной пустоты в детстве. Ее роль в сексуальном насилии в отношении маленьких детей указывала как на ее эмоциональную зависимость от мужа, который, судя по всему, инициировал это, так и на ее собственные неудовлетворенные потребности в комфорте и контроле, которые, казалось, удовлетворялись этим преступлением. Она не расценивала сексуальные действия с детьми как насильственные. Это отражало ее идентификацию с ребенком-жертвой, который на самом деле наслаждался сексуальными отношениями со взрослым, и показывало степень отрицания ею своего собственного злоупотребления детским доверием. Она практически не сопереживала смятению и уязвимости маленьких детей. Ее описания сексуальных действий мужа были настолько яркими и страстными, что у меня создалось сильное ощущение, что и сама она возбуждалась от его действий, однако переживать это удовольствие могла только опосредованно.

Власть и контроль, которыми Лаура обладала в отношении детей, были частью удовольствия, получаемого ею от извращенных действий. Присутствующий в этом элемент обмана, заключавшегося в том, чтобы «обхитрить» и самих детей, и их родителей, чтобы получить согласие на выезд в кемпинг, явился важным аспектом насилия и показывал, что Лаура все в достаточной степени осознавала и умышленно принимала участие в преступной деятельности, а также рассматривала детей как объекты, манипулирование которыми могло доставить удовольствие взрослым.

Описание Лаурой своего брака показало сильные элементы садомазохистических взаимоотношений, в которых мотивы власти, контроля, подчинения и унижения были центральными. Временами, когда в эти отношения включались дети, Лаура и ее муж объединяли силы, становясь агрессорами-союзниками. В рамках этого партнерства Лаура взяла на себя соблазняющую и защищающую роль, поощряя детей уйти вместе с их парой, убеждая самих детей и их родителей, что ее роль в качестве матери обеспечит детям безопасность. Ее ярко выраженный образ матери, полнота, простая внешность и зрелый возраст служили видимыми доказательствами того, что любая ее деятельность в отношении детей будет невинной. Таким образом, она ввела в заблуждение несколько человек и способствовала совершению насилия в отношении двух маленьких детей. Социальный работник, закрепленный за семьей, выразил серьезную обеспокоенность тем, что дочь Лауры Элизабет могла также подвергаться злоупотреблениям со стороны родителей в ходе их сексуальной деятельности. Она демонстрировала сексуально окрашенное поведение в школе и страдала от головных болей, болей в животе, молочницы инфекционного происхождения и непроизвольного мочеиспускания во время сна.

Лаура продолжала обманывать себя относительно масштабов своей собственной роли преступницы, разыгрывая из себя именно жертву, а не агрессора, и проецируя свои сексуальные перверсии и желания на мужа, представляя его как извращенного и ненасытного в своем сексуальном влечении. Живые пародии Лауры на ее мужа, а также представление о том, что она «становится им» в моменты таких имитаций, свидетельствовали о силе проективной идентификации с ним. Оживленность Лауры во время пародирования резко контрастировала с ее обычной апатией и самоуничижением, что отчасти отражало такую функцию перверсии, как защита от поглощавших ее чувств бессмысленности, опустошенности и подавленности.

Я сочла ее представляющей опасность для детей, находящихся на ее попечении, и ощущала, что ей необходимо пройти терапию, направленную на осознание ее противоправного поведения сексуального характера. Она двойственно отнеслась к идее такой терапии: несмотря на то, что сама попросила о помощи, теперь, после ее начала, она заявила, что неспособна пережить необходимость постоянно посещать амбулаторную клинику. Терапия однозначно воспринималась Лаурой как дестабилизирующая ее состояние, которая к тому же подавляет ее, провоцируя нежелание или неспособность присутствовать на назначенных встречах. Таким образом, вовлечь ее в прохождение терапии было невозможно, и мы решили прекратить наши встречи.

Хотя ее дочь Элизабет сделала заявление о том, что ее отец сексуально злоупотреблял ею, ни уголовное, ни гражданское разбирательство против него возбуждено не было, а Лаура являлась единственным опекуном ребенка. Ее статус правонарушительницы, совершившей преступное деяние, суть которого изложена в Приложении 1 Закона о детях и молодежи Великобритании, никак не повлиял на решение, вынесенное семейным судом. Для профессионалов оказалось сложным, если не невозможным, допустить мысль о том, что Лаура, независимо от своего жестокого и склонного к сексуальному насилию партнера, могла сама представлять собой опасность сексуального, эмоционального или физического насилия по отношению к детям. Она рассматривалась как пассивная жертва принуждающего партнера, которая сама не была сексуально заинтересованной стороной.

Обсуждение

Перверсия как защита от депрессии

У женщин, совершающих противоправные деяния сексуального характера, могут быть выявлены различные психологические механизмы защиты, включающие идентификацию с агрессором, т. е. насильником, совершившим надругательство над ними; идентификацию с ребенком-жертвой через выбор жертвы того же возраста, в котором они сами когда-то подвергались насилию; идентификацию со своими не предоставившими им защиты матерями; отрицание и проекции, с помощью которых женщины-насильники могут приписывать личные мотивы или заинтересованность в сексуальных деяниях своим жертвам в лице детей и отмечать при этом собственное сексуальное возбуждение и агрессию.

Они категорически отрицают любую ответственность за совершенные ими противоправные действия сексуального характера, поскольку воспринимают детей как заинтересованных в сексуальном взаимодействии, заведомо на него согласных и искушенных в этом отношении.

Другие бессознательные защиты включают в себя диссоциацию и проективную идентификацию, позволяющие женщинам-насильникам отделить те неприемлемые чувства и ощущения, что у них есть, например, сексуальное возбуждение и агрессию, приписать их детям, а затем идентифицироваться с этими, приписанными детям, но не позволяемыми самим себе, чувствами. То, что женщина-насильник воспринимает детей подобным образом, впоследствии может использоваться ею как для оправдания совершаемых злоупотреблений и насилия, так и для временного освобождения себя от таких непереносимых чувств. Для многих женщин, совершающих преступления сексуального характера, сексуальное насилие над детьми становится мощным средством решения собственной психической проблемы.

В приведенном выше случае преступления сексуального характера, совершенные Лаурой, оказались для нее способом на время победить чувства собственной неадекватности, бессилия и подавленности, а также ясно выразили ее первертную сексуальность. Поведение Лауры может быть рассмотрено как перверсия в том смысле, как ее определяла Э. Вэллдон, поскольку это поведение характеризуется дегуманизацией жертвы, повторяемостью поведения и компульсивностью, а также тем фактом, что целями извращенных действий были не только стимуляция гениталий или оргазм. Лаура достигала сексуального удовлетворения путем сокращения объекта до частичного объекта. Ребенок рассматривался ею не как человеческое существо в полном смысле, как субъект, а сводился к проводнику сексуального удовольствия для взрослого, чье удовлетворение частично зависело от степени контроля и способности манипулирования ребенком, посредством чего и совершалось это насилие (Green, Kaplan, 1994, p. 958). Судя по всему, Лаура могла в значительной степени предупреждать проявления депрессии, прибегая к первертному поведению.

Для Лауры ребенок или дети, в отношении которых она совершала насилие, представляли ее собственное детское Я, которое «наслаждалось» опытом сексуального насилия или, по крайней мере, тем его аспектом, который рассматривался как проявление внимания и привязанности. Казалось, что самоощущение Лауры было всецело сексуализировано и относительно, поскольку она существовала лишь в той степени, в которой была желанна или же сама была наполнена желанием. Сексуальное взаимодействие с детьми было способом подтвердить ее собственное существование и взаимодействовать с другими, при том что она была лишена подлинной близости с полноправным партнером по обоюдному согласию. Она одновременно идентифицировалась как с жертвами, детьми, которые, по ее представлению, оказались, как это было с ней в детстве, лишены иных форм привязанности или внимания, так и с преступником, становясь сильной авторитетной фигурой, контролирующей своих жертв.

Сформулированная Глассером концепция ядерного комплекса перверсии применима для понимания как женского, так и мужского сексуального насилия, совершаемого в отношении детей (Glasser, 1979). Акцент в этой концепции делается на страхе быть уничтоженным и ужасе реальной близости. Корни этих страхов происходят из опыта ранней депривации и пренебрежения со стороны матери. Манифестацией данной психопатологии во взрослом возрасте является постоянная борьба между желаниями сблизиться с другими людьми и отдалиться от них, а также нарциссический комплекс, препятствующий достижению истинной близости с другими. Именно дефицит близости и нарушения в формировании генитальной сексуальности являются характерными чертами перверсии.

Трудности, с которыми столкнулась Лаура, судя по всему, отражали то, что Глассер назвал «ядерным комплексом» перверсии, при котором страх перед близостью приводит к тому, что объект сексуального желания удерживается в напряжении, под жестким контролем, и насильник относится к нему садистично. В ядерном комплексе присутствует фундаментальный нарциссизм, а также и главенствующий страх быть либо поглощенным, либо уничтоженным другим, сформировавшиеся в результате раннего опыта взаимодействия с матерью, которая воспринималась как потенциально подавляющая и разрушающая.

Агрессия приобретает сексуальный характер, а объект сексуального желания удерживается под строгим контролем, что позволяет субъекту получить чувство господства. Корни перверсии материнского поведения Лауры можно отследить вплоть до ее собственного детского опыта эмоциональной депривации и сексуального насилия. Нынешнее положение, в котором она чувствовала себя униженной, способствовало желанию обрести власть и контроль над другими. Ее искаженное представление о приемлемых границах между детьми и взрослыми отражало не только участие в сексуальном взаимодействии со взрослым в ее детские годы, но также и то, что мать использовала дочь в качестве замены родительской фигуры для младших братьев и сестер, не признавая и не удовлетворяя ее потребностей. Мать Лауры была и сама подавлена и изолирована, а потому стремилась найти утешение в сексуальных связях с различными партнерами, один из которых совершал действия насильственного характера в отношении ее дочери. Пренебрежение Лаурой со стороны матери, а также отсутствие заботы о безопасности и эмоциональном развитии дочери явно способствовали тому, что Лаура ощущала себя нежеланной родителями, бесполезной, не имеющей какого-либо чувства собственной идентичности.

В случае Лауры ее мать была «неуловимой» и отвергающей, она была тем объектом, который Лаура хотела «заполучить», которым хотела обладать и который сильно сопротивлялся этим попыткам. У нее было мощное желание слиться с материнским объектом, стать частью идеализированного союза, однако это стремление было очень опасно для ее хрупкого самоощущения, и она боялась, что может полностью утратить свою идентичность в ходе такого слияния, к тому же без какой-либо возможности восстановления.

Глассер описывает главный компонент «ядерного комплекса» как «глубоко укоренившееся и всепроникающее стремление к интенсивной и наиболее тесной близости с другим

человеком, равносильной «слиянию», «состоянию единства», «союзу, преисполненному блаженства» (Glasser, 1979, p. 278). Похоже, что глубинное чувство пустоты, омертвения и подавленности Лауры на какое-то время смягчались вуайеристской сексуальной деятельностью. Ее страхом полностью затеряться в ком-то другом, оказаться уничтоженной этим другим психически было обусловлено то, что только первертная сексуальность воспринималась ею как безопасная. Ей было необходимо держать объекты в страхе и контролировать сексуальное взаимодействие, и как раз в ситуации сексуального насилия в отношении детей возможность подобного контроля появлялась. Она описывала ненавистное ей половое сношение с мужем как то, через что ей «было необходимо пройти», просто чтобы получить прикосновения и объятия. У нее никогда не было оргазмов во время полового акта.

Примечательно, что Лаура употребляла пищу компульсивно с того времени, когда была маленьким ребенком, и это, вероятно, было отчаянной попыткой успокоиться и позаботиться о себе. У нее развилось, таким образом, то, что можно расценить как расстройство пищевого поведения. Она была очень полной, что, в свою очередь, усугубляло ее негативную самооценку и ее уязвимость перед садистичными мужчинами, склонными к жесткости, которых она, казалось, привлекала, но которые насмехались над ней и унижали ее. Она хотела быть наполненной чем-то хорошим, и еда, которую она компульсивно поедала, символически выполняла эту функцию, хотя такое переедание никогда не смогло бы восполнить ее страстное желание эмоциональной поддержки. Она была и жертвой, и мучителем, используя детей для того, чтобы избавиться себя – лишь на время – от невыносимых чувств отвращения к себе и подавленности.

Она сама была ребенком, подвергнувшись злоупотреблению, чья эмоциональная депривация привела к тому, что она стала мишенью для взрослого сексуального преступника, «впитав» эту полностью искаженную модель сексуального поведения. Она злоупотребляла детьми, так же как злоупотребляла и своим собственным телом, – и та, и другая формы злоупотребления являлись как актами насилия, так и выражением неудовлетворенной потребности.

Совершая насильственные действия в отношении детей, Лаура получала возможность убежать от чувства страдания и покорности, которое Глассер называет «страхом аннигиляции». По собственному признанию, Лаура прибегала к насилию в отношении детей, чтобы не чувствовать себя столь ужасно и избежать близости с объектами ее желания. По сути, она была гротескной пародией на мать, которая могла якобы утешить детей своей огромной грудью и уютом объятий. И вместо того чтобы предоставить детям защиту, она превратилась в женщину-насильника, которая на определенном уровне приходила в сексуальное возбуждение, стимулируя детей и манипулируя ими. Позднее она признала, что ее возбуждали фотографии детей, но только косвенно, в то время, когда ее муж использовал фотографии, чтобы «завестись», а затем побуждал ее также мастурбировать. Она признала, что в ходе таких действий испытывала сексуальное удовольствие, а также ей нравилось «расслаблять» детей и побуждать их позировать перед камерой, хотя она не считала, что это представляло собой сексуальное злоупотребление в их отношении. У нее было очень мало или вовсе не было сочувствия к детям. Ее понимание происшедшего с ними было искажено, поскольку она приписывала им высокую степень сексуальной осознанности и осведомленности, считая, что они добровольно соглашались на те действия, в которые она их вовлекала. Это характеризует тип «когнитивного искажения», обращенного в прошлое, и это сознательное проявление оправдания насилия вопреки ощущению неправильности происходящего. В случае с Лаурой такой подход к детям позволил ей отыграть ее личный опыт сексуальных отношений между взрослыми и детьми, причем сопереживать душевному состоянию детей она себе не позволяла.

Статус Лауры как матери и ее образ обычной женщины среднего возраста казались противоречащими фактами и приводили в замешательство тех, кто был осведомлен о том, что Лаура была осуждена за сексуальные преступления против детей. Это был явный случай осмысления «немыслимого». Как ни парадоксально, сексуальное насилие, совершенное Лау-

рой в отношении детей, рассматривалось как явление, прямо противоположное материнству, а не как выражение первертного материнства и следствие ее собственного детского опыта материнского ухода. Это помешало профессионалам увидеть в ней угрозу для детей. Пугающим было и то, что по результатам разбирательств службы опеки было решено позволить Лауре продолжить заботиться о своей дочери без подключения этой семьи к какой-либо программе совместного попечительства, организуемой местными властями, а также без каких-либо требований к участию Лауры в терапевтической работе, направленной на преодоление ее склонности к противоправным деяниям. Для системы оказалось невозможным воспринять концепцию первертного материнства и, соответственно, обеспечить ребенку должный для такого случая уровень защиты.

И вновь представляющая собой угрозу и имеющая психические отклонения женщина и мать была перекалфицирована в жертву мужской агрессии и тирании. Ее женской сексуальностью и перверсиями, с ней связанными, пренебрегли, а степень ее вовлеченности в происходящее и личный выбор отрицались. Совершение этой женщиной преступлений сексуального характера объяснялось ее связью с агрессивным и сексуально ненасытным мужчиной. Данное разграничение позволило специалистам безопасно разместить все «зло» вне самой женщины, которая имела значительно больший доступ к детям и чье взаимодействие с ними предоставляло наиболее доступные и наименее видимые возможности для насилия в их отношении.

Значимость приведенного случая для эмпирических исследований преступлений сексуального характера, совершаемых женщинами

Общее нежелание рассматривать факт существования материнского сексуального насилия до недавнего времени отражалось в относительной малочисленности литературы, посвященной теме женщин-правонарушителей. Исследование Сараджян, посвященное женщинам, которые совершали сексуальное насилие в отношении детей, является весомой попыткой описать и классифицировать женщин, признанных виновными в этих преступлениях. В соответствии с системой, которую использовала Сараджян в своем исследовании 1996 г., женщин, которые совершают сексуальное насилие в отношении детей, можно разделить на три группы:

- женщины, изначально избравшие своей целью детей раннего возраста;
- женщины, изначально избравшие своей целью подростков;
- женщины, которые изначально принуждались мужчинами к совершению сексуального насилия.

Лауру лучше всего можно классифицировать как относящуюся к последней группе, хотя степень ее принуждения осталась не до конца выяснена, поскольку оказалось, что она получала значительное удовлетворение от сексуальных взаимодействий с детьми, демонстрировала крайне незначительную заботу о них и не осознавала наносимый им вред.

Сараджян, основываясь на своих собственных наблюдениях, приводит следующие характеристики женщин, сексуально злоупотреблявших детьми:

- Сексуальное насилие в отношении детей может совершаться женщинами любого возраста, социального и материального положения, интеллектуальных способностей, формы занятости и семейного положения.
- Жертвами этих женщин чаще всего оказываются те дети, в отношении которых они исполняют материнские функции.
- Когда насилие совершается в отношении очень маленьких детей, пол ребенка при выборе цели для женщин-насильников значительной роли не играет.

– В случаях совершения сексуального насилия над подростками пол ребенка при выборе жертвы представляется важным.

– Женщины склонны совершать сексуальное насилие над детьми всеми теми же способами, что и мужчины, за исключением того, что они вынуждены осуществлять проникновение в тело ребенка при помощи пальцев или подручных предметов, замещающих пенис. *Женщины способны получать сексуальное удовлетворение от совершения над детьми садистичных действий сексуального характера* (курсив мой – А. М.).

– Женщины любого возраста могут и совершают сексуальное насилие в отношении детей. Предполагается, что разница в возрасте не является ключевым моментом, но некоторые женщины-преступницы могут быть фиксированы на определенных возрастах, что приводит к эмоциональной конгруэнтности с ребенком.

– Женщины склонны совершать сексуальное насилие над детьми длительное время, в особенности когда дети, являющиеся их целями, в то же самое время являются их биологическими детьми. Это может быть связано с возрастающей зависимостью детей от женщин, которые совершают над ними сексуальное насилие, и/или с тем, что у таких детей меньше уверенности, что им поверят, если они расскажут, что насильником была женщина, – и поэтому они менее склонны придавать факт насилия огласке.

(*Saradjian, 1996, p. 38*)

В соответствии с несколько иной классификационной схемой, которую предложили Грин и Каплан, Лауру можно было бы идентифицировать как человека, совершившего «бесконтактное преступление», в ходе которого женщины принудительно вовлекают детей в совершение сексуальных действий со взрослым, обычно мужчиной-сообщником, или позволяют соучастнику приставать к ребенку в своем присутствии. Их исследование показало, что по сравнению с контрольной группой женщин-заключенных, не совершавших преступлений сексуального характера, находящиеся в заключении растлительницы несовершеннолетних имели как большее количество психиатрических отклонений, так и большее количество случаев физического и сексуального насилия в своем детстве (Green, Kaplan, 1994). Это наглядно видно на примере Лауры, которая подвергалась физическому насилию в семье, хотя сексуальное насилие над ней было совершено сожителем матери, а не членом семьи. Лаура была убеждена, что ее мать знала о происходящем, однако не смогла остановить его; точно так же сама Лаура впоследствии позволяла детям подвергаться сексуальному насилию и поощряла их к этому – как посредством фотосъемки происходившего, так и во время генитального контакта детей с ее мужем.

Лаура принимала активное участие в побуждении детей покинуть свои дома и участвовать в действиях, носящих сексуально-насильственный характер. К тому же ее собственный детский опыт и возникшие в результате пережитого в ранние годы представления о том, что действия сексуального характера между детьми и взрослыми обладают качествами привязанности, комфорта и возбуждения, сформировали ее собственное желание принимать участие в сексуальных взаимоотношениях с детьми. Лаура отождествляла себя исключительно с детьми и демонстрировала высокий уровень эмоциональной конгруэнтности, т. е. она чувствовала, что могла сопереживать детям и относиться к ним значительно лучше, чем к взрослым, рядом с которыми она чувствовала себя неадекватной и неуклюжей. Вуайеризм Лауры был очевиден в те моменты, когда она поощряла детей позировать для порнографических фотографий. Лаура отрицала свое собственное возбуждение, позволяя мужу выражать желание вместо себя, что позволяло ей сохранять контроль над ощущениями сексуального возбуждения и отказаться от ответственности за них.

Матери, которые совершают насилие в отношении своих детей, относятся к ним как к своим нарциссическим расширениям и совершают над ними насилие в извращенной попытке избавиться себя от глубинных чувств собственной неадекватности, вины и угнетенности. Сексуальное взаимодействие обеспечивает временное освобождение от этих чувств, избавление от ненависти к себе и ощущения несчастья, но после эйфории изначальная депрессия и чувство вины возвращаются, и таким образом устанавливается порочный круг. Вина усиливает депрессию, которая, в свою очередь, вызывает большую потребность убежать от мощных негативных чувств. Сексуальные фантазии становятся средством облегчения от негативных чувств и достижения комфорта. Желание действовать по сценарию фантазии постепенно увеличивается, и с его воплощением в жизнь в какой-то момент критически важная граница между мыслями и действиями рушится, мать становится активно действующим лицом, совершающим сексуальное насилие над своим ребенком. Вэллдон рассказывает об этом цикле в своем описании женщины-насильника:

Клинически женщина-насильник демонстрирует перверсию «материнского инстинкта», в рамках которой она, в моменты стресса, испытывает сильные физические ощущения, включая сексуальное влечение к детям, ее собственным и/или чужим. Она пытается не позволить мысли перейти в действие, поскольку знает, что такое поведение неправильно, но сильное побуждение физически и/или сексуально атаковать объект ее желаний/ненависти оказывается непреодолимым, и, соответственно, женщина ему поддается. При совершении действия возникает чувство восторга и освобождения от сексуального возбуждения, но эти чувства немедленно заменяются чувствами стыда, отвращения к себе и подавленности».
(Welldon, 1996, p. 178)

Для того чтобы понять корни первертного материнства, критически важно исследовать собственный опыт матери, опыт получения ею заботы в детстве. Передача первертных паттернов воспитания между поколениями – феномен, имеющий большое значение, о чем уже было рассказано в главе 1. Однако важно отметить, что совершение людьми, подвергавшимися жестокости в прошлом, насильственных действий в отношении других отнюдь не неизбежно, и внимание должно быть уделено тому, как именно можно прервать этот цикл. Тем не менее повторение подобных паттернов четко прослеживается в историях женщин, поступающих в судебную амбулаторную клинику в связи с выдвинутыми против них обвинениями как в совершении актов сексуального или физического насилия в отношении детей, так и в том, что они не защитили детей от подобных злоупотреблений. Эти женщины могут формировать отношения с мужчинами, склонными к проявлению сексуального и физического насилия, и стать частью инцестуозных и хаотических семей, в которых границы между детьми и взрослыми отсутствуют или извращены самым драматическим образом. Сексуальное насилие, совершаемое родителями в отношении своих детей, вторя их собственному опыту пережитого в детстве насилия, может стать нормой в таких небезопасных семьях. Подобное показано в приведенном ниже материале клинического случая.

Клинический случай

Моника: насилие со стороны 62-летней женщины

Монику направили для оценки риска, который она представляла для своей внучки, первого ребенка младшей дочери. Моника совершала насильственные действия сексуального

характера в отношении своей дочери в контексте жестокого сексуального насилия, включавшего инцест, который происходил в семье в целом. Все десять детей были вовлечены в сексуальные взаимодействия друг с другом, со своими родителями и с двумя квартирантами среднего возраста. Монике было предъявлено обвинение по двум эпизодам посягательств непристойного характера, совершенных ею в отношении двух младших девочек, которых она подвергла пенетрации с помощью пальцев и чьи груди она ласкала. Ей также было предъявлено обвинение в посягательстве в отношении младшего сына, чей пенис она трогала в попытках мастурбировать ему.

На интервью она была робкой, ее речь была заметно нарушена, к тому же у нее была так называемая «волчья пасть». Она расплакалась, когда речь зашла о том, что она может потерять возможность общаться со своей внучкой, но, казалось, ее совершенно не беспокоила перспектива не иметь никаких взаимоотношений с кем-либо из ее детей. Все дети, по-видимому, отrekliсь от нее и в дальнейшем способствовали разоблачению постоянно происходившего в семье глубоко извращенного насилия, которое включало в себя демонстрацию детям жесткой порнографии.

Мое первое знакомство с этой семьей произошло через одного из старших сыновей, которого, начиная с его семилетнего возраста, били и насиловали трое его старших сводных братьев и квартирант. Впоследствии, в возрасте 15 лет, он сам совершил посягательство на трехлетнюю девочку и в дальнейшем активно совершал насильственные действия в отношении своих младших сестер, вступая с ними в половую связь, – когда это началось, самой младшей из них было шесть лет. Он попал ко мне для оценки его состояния в возрасте 19 лет, сразу после его освобождения из-под стражи, в то время как его 18-летняя партнерша ожидала их первенца. Он был приговорен к заключению в связи с совершенным им непристойным посягательством, и в тюрьме им было совершено несколько серьезных суицидальных попыток. В связи с его противоправными действиями сексуального характера он был направлен на терапию, и я наблюдала его примерно девять месяцев, в течение которых он поведал мне подробности своего детства, в том числе и то, в какой мере его мать посягала на него в сексуальном плане. Она приходила в его спальню по ночам и ласкала его пенис до тех пор, пока не наступала эрекция, и иногда мастурбировала ему до получения им оргазма. У него также были яркие воспоминания о жестокости и садизме, с которыми его старшие сводные братья подвергали его анальному сексу, зачастую на глазах у его родителей и других братьев и сестер. С ним самим и с его младшими братьями старшие совершали анальное половое сношение, а после этого побуждали их совершить половой акт с их младшими сестрами. Обо всех этих насильственных действиях было известно всем в их семье и, как правило, происходили они в местах общего пользования. В домашнем обиходе часто использовались материалы, относящиеся к жесткой порнографии, в том числе детская порнография с участием животных, а также видео, на которых в групповом сексе принимают участие дети и взрослые.

Эта семья была одной из самых абьюзивных, садистичных и ненормальных из тех, что я когда-либо наблюдала, и осознание масштабов насильственного обращения и жестокости, происходивших в ней, было трудно вынести. Возможно, наиболее удручающей была явная иллюстрация передачи паттернов насилия от поколения к поколению на примере того, как братья насиловали сестер под руководством своих родителей и старших сиблингов. Насилие часто включало в себя проявления садизма, такие как нападки на жертв. Характерным примером проявлений садизма и тех унижений, которым в этой семье подвергались жертвы, было то, как сводные братья заставляли младших детей пить их мочу. Мать, оценку состояния которой меня попросили провести, не только была осведомлена об этих крайних, практически невероятных формах проявления насилия в ее семье, но и принимала в них активное участие, черпая как эмоциональное, так и сексуальное удовлетворение в контроле и власти, которые она распространяла на этих крайне неблагополучных детей с искаженной психикой.

Самая младшая дочь Моники, когда ей было десять лет, описала в заявлении в полицию свой опыт насилия со стороны матери. Наименьшая форма злоупотребления заключалась в том, что мать заставляла дочь мыть себя в ванне, в том числе мыть ей грудь. Это происходило, по-видимому, после обычного мытья дочери с Моникой. В перверсии своей материнской роли Моника приказывала девочкам мыть ее грудь, а затем посыпать ее тальком. Это злоупотребление носило характер инфантильности и отчаяния, как будто Моника просила своих маленьких дочерей предоставить ей некий физический контакт, которого она была лишена в своем младенчестве. В ходе таких актов насилия проявлялась депривация и печаль, в то же время в них демонстрировалось полное пренебрежение чувствами девочек, которые использовались в качестве объектов для удовлетворения матери. Она запретила девочкам рассказывать социальным работникам, посещавшим семью, о любых проявлениях сексуального насилия, которым они ежедневно подвергались со стороны своих братьев, сестер и самой Моники.

Другая ее дочь, которой на тот момент было 12 лет и которая являлась второй основной пострадавшей от этого насилия, подтвердила, что ее также заставляли мыть и ласкать грудь матери, а также добавила, что мать могла растирать ее гениталии, а также гениталии ее сестры. Она описала, как Моника могла войти в их общую спальню и спросить, болят ли у них влагалища, что свидетельствовало о ее полной осведомленности о той степени сексуального насилия, которому подвергали девочек другие члены семьи. Этот вопрос также представляется извращенной пародией на обычную материнскую заботу. Если девочки говорили «да», поскольку часто бывало именно так, она грубо вводила пальцы им во влагалище и втирала туда тальк. Девочка охарактеризовала данные действия как «грубые» и «болезненные». Ее заявление очень тяжело читать, особенно тот момент, где она говорит: «Когда мама заканчивала с этим, она обычно велела никому об этом не рассказывать, в противном случае она грозила выгнать меня». В заявлениях детей ярко описаны угрозы, боль, смутнение и страх, которые были частью опыта сексуального насилия.

К сожалению, многие уголовные расследования против братьев и сестер были прекращены в силу трудностей со сбором свидетельств некоторых других детей, вовлеченных в это насилие. Поэтому было важно, чтобы установление фактов о сексуальном насилии выполнялись хотя бы в гражданском суде. По делу, возбужденному службой опеки относительно пяти детей из этой семьи, судья в своем выступлении заявил: «Столь многое из этого практически неслыханно, что я вновь и вновь напоминаю себе об осторожности и бдительности, но, как бы часто я ни давал себе подобных предостережений, я вынужден заключить, основываясь не только на „балансе вероятностей“, но и с определенной печальной и пугающей уверенностью, что дети в этой семье подвергались тому сексуальному насилию, о котором идет речь... Они подвергались сексуальному насилию со стороны членов семьи в таком масштабе и в течение такого длительного времени, что даже те, кто не принимал активного участия в этом насилии, должны были знать об этом, однако не могли защитить младших детей, которые являлись членами их собственной семьи».

Хотя изначально было удивительно, как вообще мог ставиться вопрос о том, представляет ли Моника опасность для своих детей, тем не менее запрос на оценку ее состояния выявил, насколько сложно участие Моники в сексуальном насилии над ее детьми осмыслялось и принималось к сведению специалистами, задействованными в процессе. Это просто не укладывалось в голове, думать об этом было нестерпимо. Ее внешний облик пожилой, немощной женщины, ее собственная психологическая уязвимость и тот факт, что она была бабушкой младенца, казалось, закрывали собой тот факт, что она была еще и преступницей, признанной виновной в совершении противоправного деяния, указанного в Приложении 1 Закона о детях и молодежи Великобритании. В своем докладе в суде я повторно озвучила ключевые факты по делу и заявления, сделанные в отношении систематических насильственных действий сексуального характера, совершавшихся Моникой в отношении своих детей, настоятельно подчеркивая ту

опасность, которую она представляла для любого ребенка, вступавшего с ней в контакт. План местных властей по опеке, в котором был предусмотрен запрет Монике контактировать с внучкой, был в конечном итоге принят.

Тот факт, что мать ребенка, девушка, которой на момент ее первого обращения в полицию было 12 лет и которая сама была одной из наиболее пострадавших жертв насилия в этой семье, может сама представлять риск совершения сексуального насилия в отношении своего ребенка, также был важным вопросом для рассмотрения. И его следовало довести до сведения социальных работников, задействованных в этом удручающем деле. Степень травматической сексуализации и насилия в этой семье создала значительный риск того, что насилие будет по-прежнему передаваться от одного поколения к другому.

Каплан описывает связь между стратегиями женщины-перверта и социальными представлениями, определяющими то, как ее поведение будет понято: «Обман настолько важен для перверсии, что если мы не обнажим скрытую от нас ложь, нас сразу же обманут» (Kaplan, 1991, p. 9). Вопрос обмана, включая самообман, крайне важен, поскольку в значительной степени влияет на признание преступниками своей ответственности за совершение сексуального насилия в отношении детей, а также склонность к обману снижает шансы на участие в терапии. Проблема отрицания среди преступников мужского пола, для которых существуют качественно разработанные программы терапии, была описана клиницистами, и это описание в равной мере может быть применено и в отношении женщин-преступниц, совершивших сексуальное преступление (Beckett, 1994).

В приведенном ниже в качестве иллюстрации случае из практики описывается то, насколько трудно бывает противостоять отрицанию женщинами-преступницами своих деяний, особенно в ходе разбирательств, инициированных службой опеки, когда решается, где и с кем будет размещен в итоге ребенок, и когда появляются те мощные чувства, возникающие в результате контрпереноса, которые могут оказывать воздействие на способность терапевта сохранять вовлеченность в происходящее с клиентом. Неимоверное чувство стыда, связанное с насилием со стороны матерей по отношению к детям, является бременем как для жертв материнского сексуального насилия, так и для самих женщин, его совершивших, поскольку это преступление, вероятно, считается самым извращенным и неприемлемым для других, являясь прямым вызовом заветным представлениям о материнстве. Возможное влечение матерей к своим детям, даже к сыновьям-подросткам, по-прежнему является темой, в высшей степени запретной для обсуждения, и возможность сексуального контакта обычно признается только в том случае, если женщина, как Иокаста, не осознает, что она фактически совершает инцест.

Клинический случай

Эллисон: материнское сексуальное насилие и обман

Эллисон, 39-летняя женщина, была направлена в амбулаторное отделение для оценки ее пригодности к психотерапии, которая требовалась ей в связи с жалобами на депрессивные переживания. Незадолго до этого в результате судебных слушаний она была лишена права опеки над своей дочерью Самантой. Запрос местных властей о передаче Саманты под опеку был удовлетворен, а в составленном ими плане опеки конечной целью определялось удочерение девочки. Пятью годами ранее Эллисон добровольно передала свою шестилетнюю дочь Дженнифер в службу опеки при местных властях, поскольку она чувствовала себя неспособной справляться с дочерью. Эта девочка дала развернутое свидетельство того, что Эллисон совершала с ней насильственные действия сексуального характера, что впоследствии привело

к тому, что ребенка направили на размещение при органах опеки на длительный срок с полной передачей прав опеки. Эллисон отрицала обвинения в совершении сексуального насилия, однако признала, что отвергала свою дочь и пренебрегала ее потребностями. На момент прохождения процедуры оценки Эллисон проживала одна со своим 13-летним сыном Люком, права опеки над которым передаче не подлежали.

Эллисон была тревожной женщиной средних лет, очень настороженно относящейся к перспективе посещения амбулаторной клиники, в прошлом у нее был неудачный опыт взаимодействия с психологами, один из которых обследовал ее на предмет способности осуществлять уход за детьми в рамках слушания дела Дженнифер и который заключил, что Эллисон представляла для детей опасность. Эллисон сочла это заключение обидным и глубоко несправедливым, выражала по этому поводу злость, а также указывала на очевидные фактические несоответствия в отчете, представленном суду. Однако по задокументированным свидетельствам по тому делу было выявлено, что Эллисон имела обыкновение менять фактические данные без каких-либо очевидных причин, что приводило к противоречивым и недостоверным утверждениям с ее стороны даже о таких очевидных фактах, как дата рождения и адрес проживания. Она признавала, что иногда забывала некоторые вещи и находила свою ситуацию запутанной и ошарашивающей настолько, что она не всегда понимала «что происходит». Ее отвлеченная и нервная манера держаться передавала хаотичный и подавляющий характер ее образа жизни, а также выявляла ее дезорганизованную личность, раскрывая неустойчивое восприятие ею самой себя и окружающей среды. Эллисон решительно не соглашалась с наблюдениями детских психологов, которые всесторонне оценили Дженнифер и пришли к выводу о высокой вероятности того, что девочка подвергалась насилию со стороны матери. Детские психологи нашли ее слова весьма правдоподобными в свете многочисленных последовательных заявлений и степени тех психических нарушений, признаки которых она проявляла. Дженнифер предпринимала попытки суицида и наглядно описывала опыт материнского насилия, который она пережила.

Описание Дженнифер сексуального насилия, совершавшегося ее матерью, было последовательным, подробным и понятным. Она описала крайне извращенное поведение. Так, Дженнифер сообщила, что Эллисон раскрашивала свои половые органы и область сосков перед совершением сексуального насилия. Также было сказано, что мать заставляла Дженнифер заниматься с собой оральным сексом, проникать в свое влагалище при помощи пальцев и других предметов. Дженнифер сообщила, что такое злоупотребление происходило часто, иногда до трех – четырех раз в неделю, и что ее мать также применяла к ней физическое насилие. Брат Дженнифер, Люк, сказал социальному работнику, что его мать «делала грубые вещи» с его сестрой, но попросил не говорить о своих словах матери. Дженнифер проявила необычно беспокойное и сексуально окрашенное поведение в школе, что в конечном счете и привело ее в службу опеки при местных властях, тем более, что ее мать находила «невозможным» справиться с ней. Дженнифер постоянно демонстрировала сексуально окрашенное поведение с другими детьми, включая Люка, с которым ее видели целующейся и обнимающей «по-взрослому», что она объясняла тем, что просто «чмокнула его».

Во время своего первого пребывания у опекунов Дженнифер впервые сделала серьезные заявления о сексуальном насилии со стороны своей матери. Дженнифер доставила большие неприятности своим опекунам из-за своего сексуально расторможенного и агрессивного поведения, особенно в отношении младшей приемной сестры. Эллисон объяснила заявления Дженнифер тем, что та злилась на нее за то, что была отвергнута. Вскоре после того, как ее взяли в приемную семью, Дженнифер встала посреди дороги, задрала юбку, спустила трусики и заявила, что «ждет, когда приедет машина». Похоже, это была очень сексуализированная попытка самоубийства, свидетельствующая, что девочка чувствовала себя вещью, никчемной и полностью отчаявшейся. Эллисон же сообщила, что это было показателем того, насколько

отвергнутой почувствовала себя Дженнифер, когда ее поместили под опеку. Мать возмущалась, зачем бы ей понадобилось отдавать дочь органам опеки, если она якобы хотела злоупотреблять ею, и пришла в ярость, когда я сделала предположение, что родители могут признавать, что их дети могут быть в опасности, находясь дома.

Эллисон призналась, что и сама когда-то подвергалась сексуальному насилию со стороны старшей сестры. Она сильно огорчилась и рассердилась на мои слова, когда я предположила, что она, возможно, хотела защитить Дженнифер от того, что испытала сама и что ее здоровая часть хотела, чтобы ребенка поместили подальше от опасности. Было очевидно, что Эллисон гораздо легче было обсуждать свой опыт сексуального насилия, нежели собственные фантазии и действия сексуального и насильственного характера. Эллисон была склонна перекладывать ответственность за отклонения в поведении Дженнифер, такие как воровство и драка, на саму девочку, описывая ее как «хитрую», «манипулятора», «пройдоху» и «требующую внимания».

Воссоздать четкую историю жизни Эллисон на текущий момент и согласованную картину последних событий было очень трудно. Она жила во множестве мест, часто и импульсивно переезжая в связи с разрывом сексуальных отношений с мужчинами. Она путалась в местах и сроках переездов, предоставила противоречивую информацию о своем текущем месте проживания, сказав, что она переехала и при этом дав мне свой предыдущий адрес – только для того, чтобы потом обвинить меня в некорректном упоминании ее адреса в моем отчете для суда. Она сообщила, что в последние годы не употребляла наркотики, однако регулярно употребляла марихуану, а эпизодически – и более тяжелые наркотики, включая экстази и кокаин. Она описала общие чувства подавленности, обиды, безнадежности и глубокой несправедливости, в частности по поводу того, что ее расценили как потенциальную сексуальную угрозу для ее маленькой дочери. Было непохоже, чтобы она возражала против того, чтобы жить отдельно от Дженнифер, также она не выказывала беспокойства по поводу судьбы, сосредоточившись вместо этого на своем собственном чувстве несправедливости и на том, что ей необходимо быть со своим младшим ребенком.

В ходе первого интервью выяснилось, что Эллисон в детстве предала огласке факт сексуального насилия со стороны ее сестры Рэйчел. Эллисон было шесть лет, а ее сестре одиннадцать, когда Рэйчел начала принуждать ее выполнять в отношении себя сексуальные действия орального характера, а также проникать в нее пальцами. Рэйчел использовала физическую силу, иногда привязывая ее к кровати. Эллисон была самой младшей из троих девочек. Ее биологический отец бросил ее мать еще до рождения Эллисон, и она никогда его не видела. Когда Эллисон исполнилось восемь лет, ее мать снова вышла замуж после серии коротких отношений с разными мужчинами, один из которых однажды осуществил сексуальное посягательство в отношении Эллисон. Ее мать по характеру была депрессивной женщиной с взрывным темпераментом, которая часто набрасывалась на своих детей с любым доступным предметом в руках, в том числе, как это было в одном очень пугающем случае, с кочергой. Она не смогла обеспечить адекватную защиту Эллисон, в результате чего сексуальное насилие над той со стороны сестры продолжалось в течение нескольких лет, пока ей не исполнилось десять. И все это, очевидно, оставалось незамеченным.

Эллисон четко помнила сексуальное насилие и «угощения», которые она получала после того, как принимала участие в сексуальном взаимодействии. Она казалась явно расстроенной, когда рассказывала мне эти подробности. Хотя Эллисон заявила, что теперь ненавидит свою старшую сестру, она неоднократно оставляла Дженнифер под присмотром Рэйчел, не заботясь о вероятности того, что сестра также может злоупотреблять ее дочерью. Когда Эллисон спросили о такой возможности в интервью, она выразила очень мало эмоций и не проявила никаких сожалений по поводу своего решения. Эллисон поддерживала контакт со своей сестрой уже во взрослой жизни, и при этом не виделась со своими родителями и средней сестрой, которую называла «пустое место».

Эллисон стало легче рассматривать своего сына Люка как отдельного человека, что помогло ей психологически отвлечься от переживаний о дочери. Для Эллисон казалось возможным дифференцировать себя и Люка, вероятно, потому, что рождение его на свет и процесс его воспитания не пробуждали в ней каких-либо чувств и воспоминаний о ее собственных отношениях с матерью и сестрой, воспринимавшихся как властные фигуры. Люку позволялась определенная степень индивидуации, хотя я постоянно держала в голове мысль о том, что, возможно, Эллисон сексуально провоцировала и запутывала своего сына, даже если фактически она не привлекала его к инцестуозной связи. Эллисон говорила о Люке с точки зрения его способности заботиться о ней и защищать ее, что отражало ее полностью искаженное представление о границах и указывало на глубину ее собственной зависимости и эгоцентризма.

Примечательно, что специалисты органов опеки не рассматривали возможные риски проживания с матерью для Люка, несмотря на его нарушенное и сексуально окрашенное поведение в школе и некоторые признаки того, что он, возможно, был вовлечен в сексуальное насилие над Дженнифер. Опеке казалось немыслимым, чтобы мальчик (впоследствии подросток) подвергался риску сексуального насилия со стороны своей матери, хотя его сестра и высказывала явные обвинения в серьезном сексуальном, физическом и моральном насилии.

Хотя уголовное дело по заявлениям о сексуальном насилии и злоупотреблениях не было открыто, судья по гражданским вопросам, который вел дело Дженнифер, сделал на основании изученных фактов вывод, что Эллисон совершила в отношении своей дочери сексуальное насилие. Частично это было основано на свидетельствах нескольких специалистов по защите детей, которые наблюдали Дженнифер, а также на основании свидетельства судебного клинического психолога, который производил оценку состояния Эллисон и подготовил отчет для суда. Судья определил, что Эллисон была женщиной, представлявшей опасность для детей, находящихся на ее попечении, поскольку мало заботилась об их эмоциональном и физическом благополучии, а также он описывал сексуальное насилие, совершенное Эллисон, и ее отказ от Дженнифер как проявление «бессердечного пренебрежения ее интересами».

Эллисон присутствовала на трех диагностических встречах, предложенных ей, но отклонила возможность получать психологическую поддержку из-за своих связей с судебными службами, заявив, что она не преступница, а просто подавлена, поскольку «потеряла» двоих детей, а также потому, что в детстве она была жертвой сексуального насилия со стороны своей сестры. Она чувствовала себя «обвиняемой» и что «все против нее». Тот факт, что, встречи со мной подразумевали исследование ее отношений с Дженнифер, сексуальных аспектов ее материнства, ее глубокой идентификации со своей дочерью и трудности в установлении четких границ между детьми и взрослыми, воспринимался Эллисон очень настороженно и с испугом. Она жаловалась, что «на самом деле я ее не слушала» и что она чувствовала себя совершенно изолированной и беспомощной. Она непреклонно отказывалась признавать ту ненависть, которую испытывала к своей дочери, а также ту враждебность, с которой с ней обращалась. В конечном счете Эллисон была лишена права опеки над дочерью, которая стала предметом заботы службы опеки и была передана на удочерение. Вновь столкнувшись с лишением права опеки, что заставляло ее чувствовать ярость, ощущение, будто ее ограбили, Эллисон больше не продвигалась вперед в признании своих собственных сексуальных нарушений и склонности к насильственному поведению.

Интенсивные чувства, возникавшие у меня в результате контрпереноса, затрудняли сохранение терапевтически нейтральной позиции по отношению к Эллисон из-за глубины ее отрицания и жестокости по отношению к дочери. Я понимала, что жестокость была ей нужна, чтобы справиться с ее собственными разрушительными импульсами, направленными на саму себя и на ее неспособную защитить мать. Я задавалась вопросом, могла ли Эллисон лгать компульсивно по поводу каких-то, возможно, незначительных вопросов, чтобы создать отдельное чувство собственной идентичности и убедить себя, что у нее есть внутреннее личное про-

странство, в которое другие не могут так легко войти? С помощью лжи о довольно обыденных событиях и фактах она могла создать дистанцию между собой и другими и сохранить чувство обособленности, поскольку границы ее личной идентичности были настолько хрупкими, что ей нужно было защищаться от любого, кто что-либо о ней знал или становился слишком близким. Несмотря на то, что я понимала ее страх, меня не покидало ощущение, что Эллисон меня обманывает или вводит в заблуждение многими своими противоречивыми повествованиями. Порой я чувствовала себя по отношению к ней преследователем, желая бросить ей вызов в отношении всех высказываемых ею несоответствий. Когда я спрашивала Эллисон о расхождении в ее заявлениях, я сталкивалась с враждебным отрицанием любых подобных несоответствий и вместо ответа выслушивала обвинения в том, что я «не слушаю» и «перевираю слова». Это привело меня к внутреннему конфликту, и я обнаружила, что начала подвергать сомнению мое личное понимание концепции интервью и точность своих записей. Я оказалась в роли ненадежного свидетеля, в позиции, подтолкнувшей меня к пониманию опыта Эллисон в обмане и насилии.

Человек, который слушал и пытался понять опыт Эллисон, становился в ее глазах преследующим и ненадежным, т. е. таким же, какой Эллисон воспринимала свою мать – не защищающей, пренебрегающей фигурой, позволявшей одновременно совершаться сексуальному насилию и осуществлявшей в отношении Эллисон физическое насилие. Казалось, будто она отразила в этом опыт своего детства, когда она ощущала, что ей кругом лгут и что ее восприятие было неверным, будто она была сумасшедшей.

Кроме того, Эллисон была в ярости из-за того, что ее собственная жертвенность не замечалась, – она идентифицировала себя как жертву, а не преступницу, и чувствовала смятение и отчаяние, когда ее роль насильника все-таки исследовали. Она не могла удержать оба этих аспекта в своей голове и считала невыносимыми мои попытки помочь ей это сделать.

Интенсивность моих чувств контрпереноса, по-видимому, относилась к жестокости импульсов Эллисон, направленных в свой адрес, что выражалось в ее сексуальном насилии в отношении дочери. Через сексуальное насилие над Дженнифер Эллисон бессознательно воссоздавала свой опыт, атакуя тело маленькой девочки так, как это происходило с ее собственным телом когда-то. Когда я осмыслила весь опыт унижения и насилия Эллисон, я получила возможность проникнуться состраданием к девочке, которой она была когда-то, и к женщине, которой она стала. Она совершила серьезную попытку самоубийства во время заключительного слушания по делу Дженнифер, которую она мотивировала чувством вины за то, что она поместила ребенка под опеку в приемную семью. В воображении Эллисон Дженнифер была на ее стороне, а также она являлась хранилищем ее ненависти к себе и целью ее разрушительных импульсов. Сексуальный садизм, который она направляла на Дженнифер, также представлял собой своеобразную форму психического убийства:

Сексуальное насилие в отношении детей является не чем иным, как символической формой убийства, поскольку единственный способ убить кого-то в психическом смысле, а не буквально отнять его жизнь, заключается в том, чтобы проникнуть в тело через его отверстия.

(Kirsta, 1994, p. 289)

Отказавшись от терапии, Эллисон избавилась и от меня. Она могла доверять мне только в той мере, в которой я могла ее подпитывать и сочувственно относиться к ней как к жертве сексуального насилия, совершенного женщиной, а также как к жертве физического и эмоционального насилия со стороны ее матери и отчима.

Она не могла вынести меня, поскольку я высказывала мысль о том, что она также была и агрессором, насильником детей. Ее несчастье и отчаяние казались неподдельными, а оборонительная позиция, похоже, была связана с ее стыдом и глубоким чувством собственной никчем-

ности. Тот факт, что я знала о заявлениях, сделанных Дженнифер и подтвержденных Люком, означали в ее глазах, что я в конечном счете тоже стану отвергать и осуждать ее. Она также осталась без «контейнера», в который могла бы «сливать» свои токсичные чувства, а без него столкнулась лицом к лицу со своей собственной агрессией и отчаянием.

Эллисон защищалась от невыносимой душевной боли, отделив свои агрессивные импульсы и спроецировав их на дочь посредством сексуального манипулирования ею. Оказалось, что она состоит в эмоционально, если не сексуально перегруженных отношениях со своим сыном, которого она охарактеризовала как «мужчину всей ее жизни». Эллисон показала очень скромную способность распознавать свою собственную агрессию, спроецированную на других людей, которую она замечала, только когда та уже «отражалась обратно» на нее, и поэтому Эллисон обитала в параноидальном мире, где ее неоднократно отвергали, унижали и в конечном счете покидали. Сексуальное насилие над Дженнифер временно давало Эллисон возможность избежать депрессии и страха, без такой возможности она чувствовала отчаяние.

Истоки гнева Эллисон, судя по всему, лежали в опыте младенчества и детства, который оставил ее с чувством ужасающей ненависти к себе и концентрированной инфантильной ярости по отношению к ее собственной обделяющей, незащищающей, жестокой матери, а также к сексуально эксплуатирующей сестре. В детстве Эллисон не получила опыта интеграции своих недопустимых агрессивных чувств и так и не смогла развить какое-либо безопасное хранилище для них ни внутри, ни снаружи. Для Эллисон ее мать была безжизненным, жестоким объектом, неспособным ответить на ее потребности или ее попытки взаимодействия. Став сексуальным агрессором в отношении своей собственной дочери, Эллисон смогла избавиться от огромного чувства бесполезности и опасности нападения, которые она испытала, спроецировав их. Она интернализировала образы своих сестер, а также своей матери как агрессоров и идентифицировалась с ними, что позволило ей воссоздать насильственную динамику со своим собственным ребенком женского пола.

Заключение

Данные о перверсии материнства отражают подавляющее чувство бессилия, низкую самооценку и создают описанные выше трудности, с которыми сталкивается женщина во время беременности и материнства. Материнство может стать способом получения компенсации и площадкой для реализации возмездия, сферой влияния, власти и контроля. «Женское сексуальное насилие, особенно материнский инцест, представляет собой наиболее трагически гротескное неправильное использование подобной власти и злоупотребление ею» (Kirsta, 1994, p. 295).

В этих преступлениях происходит повторное отыгрывание матерями своих ранних травм, в ходе которого они идентифицируют себя как с ребенком, жертвой, так и с агрессором. Используемые при этом защиты, такие как отрицание, обесценивание и эмоциональная отстраненность от ребенка, позволяют таким матерям освободиться на время от душевной боли, возникающей, когда они вспоминают свои личные истории насилия.

Они отыгрывают вовне, через тела своих детей те личные переживания, которые слишком тяжело осмыслить. То, что не укладывается в голове, проявляется через сексуальное насилие.

Помимо того что клиницисты становятся более восприимчивыми к возможности сексуального насилия со стороны матери в случаях защиты детей, они обязаны выявлять и классифицировать совершенные типы сексуального насилия и повышать осведомленность о факторах риска, присущих женщинам, которые могут оказаться предрасположенными к сексуальному насилию над детьми. Кроме того, необходимо разработать методы проведения оценки состояния женщин-преступниц и программы терапии для них. Это направление в настоящее

время привлекает определенное внимание. Так, Беккетт с коллегами провели исследование по изменению оценочных критериев для женщин-преступниц и установлению соответствующих норм для этой части популяции. Они получили интересные результаты, которые указывают на то, что схожие виды понятийных искажений в отношении к детям могут быть выявлены среди преступников как мужского, так и женского пола (Beckett, 2007). Это развивающаяся область исследований, результаты которых будут чрезвычайно важны с точки зрения представления данных для опирающейся на доказательную базу практики – как применительно к адекватным системам оценки защиты детей, так и к не закрытой еще потребности в терапии женщин, совершивших сексуальные преступления.

Опубликован важный новый раздел исследований, посвященных женскому сексуальному насилию, связанный с результатами проведенных в США трех исследований, касающихся женщин, совершивших правонарушения сексуального характера (Davin et al., 1999). Приведенные литературные источники представляют собой серьезную попытку начать выявлять, исследовать и «исцелять» эту проблему. Критически важно, что данная проблема определена, и уже предпринимаются попытки разработать терапевтические программы, эффективность которых можно будет оценить.

Хотя и утверждается, что существуют как присущие личностям самих женщин, так и культурно обусловленные факторы, которые могут отвратить женщин от совершения сексуального насилия в отношении детей, – такие, как тенденция не сексуализировать отношения в той степени, в которой это делают мужчины, предпочтение более сильных сексуальных партнеров, создание более прочной привязанности с детьми и нежелание инициировать сексуальные контакты, все же вполне очевидно, что все эти факторы могут не действовать в случае с женщинами, имеющими серьезный личный опыт насилия в их собственных семьях в детстве, а также под влиянием текущих стрессовых факторов (Finkelhor, 1984). Чтобы справиться с травмой, нанесенной насилием, женщины формируют определенные патологические защиты, которые делают возможным, и даже вероятным, совершение ими сексуального насилия в отношении детей. Более того, их собственный опыт столкновения с обращенным в их адрес сексуализированным поведением членов их семей, вероятно, сделал этих женщин нечувствительными к потенциально травмирующим последствиям сексуального насилия над другими, что искажает их понимание поведения детей, а также важность наличия четких границ между детьми и взрослыми. Опыт воспитания безразличной или злоупотребляющей своим ребенком матери создает первертный механизм насильственного поведения, который эти женщины впоследствии воплощают в жизнь в отношении как своих собственных, так и чужих детей.

Дальнейшие исследования женского сексуального насилия в отношении детей должны основываться на комплексной модели анализа и тонком понимании сложной природы проблемы. Для хорошей клинической практики крайне важно, чтобы клиницистам, работающим в этой сложнейшей области, предоставлялась возможность обратиться к корректному и деликатному супервизору, поскольку они, вероятно, испытывают сильнейшие негативные чувства, обусловленные контрпереносом по отношению к женщинам, совершившим преступления сексуального характера. Для понимания таких преступниц требуются способность отбросить стереотипы о «материнских инстинктах» и умение услышать ту историю, которую преступница рассказывает о своей собственной матери; это позволит клиницистам получить четкую картину развития психопатологии, почувствовать себя менее шокированными поведением первертных матерей и быть менее карающими по отношению к ним, что позволит более эффективно решать важную задачу защиты детей.

Глава 3. Материнское физическое насилие

Некая молодая одинокая мать держит на руках своего ребенка. Он кричит. Чувствуя свое отчаянное положение, она понимает, что нет никого, кто поддержал бы ее, чтобы она почувствовала себя хоть немного лучше. Ребенок невольно стал источником ее старой боли, которая вновь проснулась. Ей нужно прекратить эту боль. Эта боль воплощена в ее кричащем младенце, но она больше не чувствует, что это ее ребенок – это сама мать очутилась вновь в кошмаре своего собственного детства. Ребенок стал ее мучителем, тем, кто причиняет боль, чьи потребности, выражаемые криком, заставляют молодую женщину чувствовать себя никчемной и плохой. Она больше неспособна видеть своего ребенка, поскольку он стал «чудовищем», которым она сама когда-то была и которое нужно контролировать, бить, чтобы все пришло в норму. *Она становится своей собственной матерью, своим собственным пугающим родителем, с которым она идентифицируется, как и очень многие другие жертвы.* В этой душераздирающей боли женщина наносит ряд сильнейших ударов, разбивая ребенку голову, пока плач не прекращается. В возникшей вслед за этим тишине мать однажды может обнаружить, что стала убийцей собственного ребенка... Ребенок, которого она хотела любить, кажется мертвым. В этот момент разум приходит ей на помощь. Она «забывает». Она «вытесняет» из памяти свое прошлое, а также воспоминания о том, что она только что сделала со своей маленькой девочкой, ребенком, которого она, вероятно, хотела любить и защищать. Может быть, в этот раз и, возможно, в следующий ребенок именно этой женщины сумеет пережить ее разрушительную атаку.

(De Zulueta, 1993, p. 4–5)

Отрицать женское насилие – значит отрицать субъектность женщины. В приведенном выше отрывке Де Зулуета описывает, как реактивация травматических воспоминаний может привести к насилию в отношении младенца, а диссоциация как психологическая защита от боли может защитить мать, совершившую этот акт насилия, от полного признания ее действий. Этот отрывок иллюстрирует природу реактивированной боли и демонстрирует, как матери, которыми пренебрегали или в отношении которых совершали насилие, могут воссоздавать деструктивные модели поведения со своими детьми.

Контекст, в котором это происходит, – это случай, когда мать молода и одинока. Де Зулуета имеет в виду социальную ситуацию изолированности и возможные экономические трудности. Хотя я целенаправленно не изучаю социальные факторы, влияющие на возникновение материнской депрессии и проявлений физического насилия в отношении детей, в данной главе их влияние я все же учитываю. Социальная среда явно играет значительную роль в формировании чувства отчаяния и «покинутости» у матерей, что ведет к появлению физического насилия и пренебрежения по отношению к детям с их стороны.

Существует огромное количество серьезной литературы и эмпирических исследований, посвященных изучению социальных факторов развития депрессии (например: Brown, Harris, 1978; Brown et al., 1996; Harris, Brown, 1996). Также подробно изучалась передача модели пренебрежения между поколениями, которая усиливает взаимосвязь между ранним опытом нарушенной привязанности и дальнейшей склонностью к депрессии (например: Harris, Bifulco, 1991; Bifulco, Moran, 1998). Несмотря на то что я обращаю внимание на социальный контекст материнской депрессии и физического насилия в отношении детей, мой основной интерес в

этой главе обращен на внутренний мир матери, совершающей насилие, я изучаю динамику материнского физического насилия. Разумеется, эмоциональное насилие и пренебрежение детьми могут быть переплетены с насилием физическим. В настоящей главе я сосредоточиваю свое внимание на реальных фактах насилия, исходя из предположения о том, что такое насилие часто отражает эмоционально нарушенное и жестокое отношение к ребенку, который становится сосудом для непереносимых чувств своего родителя.

Я привожу пример случая материнского насилия над младенцем, совершенного находящейся в депрессии и изоляции молодой матерью, дополняя приведенное Де Зулуэта описание материнского насилия. Также я рассматриваю еще два примера крайних проявлений физического насилия, один из которых представляет собой случай из клинической практики, а второй – известный случай восьмилетней Виктории Климби, чья смерть от рук ее собственной двоюродной бабушки и ее сожителя послужила причиной пересмотра всей системы защиты детей и соответствующего законодательства в Великобритании. Обсуждение этого случая раскрывает некоторые аспекты проблемы, связанные с отрицанием насилия, совершаемого женщинами.

В главе 2 мною был рассмотрен характер сексуального насилия, совершаемого матерями. В настоящей главе я фокусируюсь на насилии посредством прямой физической жестокости, проявляющейся в виде встряхиваний, толчков, ударов кулаком или ногой, выкручиванием рук, избиения средствами самозащиты либо иными предметами, нанесения ожогов. Физическое насилие, которое совершают матери в отношении своих детей, может оказаться публично известным, в частности, в тех случаях, когда социальные службы инициируют формальные судебные разбирательства. Физическое насилие часто скрыто от взглядов окружающих, поскольку происходит за закрытыми дверями. Как и в случае сексуального насилия, жертвы могут быть слишком напуганы или же испытывать слишком сильное чувство стыда, чтобы позволить кому-либо узнать о произошедшем с ними физическом насилии. Также они могут воспринимать физическое насилие и жестокость как нечто нормальное или даже считать, что они заслужили подобное грубое обращение с ними. То, что детей подвергают насилию, часто создает у них состояние неопределенности и конфликта в отношении своего родителя или фигуры, его замещающей, которым ребенок обычно остается верен.

Характер физического насилия в значительной степени варьируется от женщины к женщине: от вошедшего в привычку, часто преднамеренного и садистского насилия до «разового мероприятия», однократного события, происходящего в тех ситуациях, когда мать по тем или иным причинам теряет контроль. Насилие может принимать форму систематического физического наказания за неправильное поведение или же представлять собой нехарактерный взрыв чувств гнева и разочарования, которые возникли в результате депрессии, социальной изоляции и переживания полной беспомощности.

Материнское физическое насилие иногда отражает тайный сговор зависимой женщины со своим партнером, склонным к жестокости, который настаивает на своем родительском праве, и даже обязанности, применять тяжкие физическое наказание в отношении ребенка. Она может передавать право наказывать ребенка своему жестокому партнеру, чтобы успокоить его, даже если она сама не согласна с применением суровых наказаний. Подобная мотивация также может сочетаться с неспособностью защитить своих детей от физического насилия со стороны партнера из-за страха женщины бросить ему вызов или же из-за того, что ей, может быть, сложно признать эмоциональные и физические последствия подобного насилия над ребенком. Такая пассивность со стороны матери может привести к тому, что дети будут подвергаться серьезному пренебрежению и жестокости, что может отражать беспомощность и запуганность самой матери в контексте бытового насилия в отношениях. В тех случаях, когда партнер-мужчина жестоко относится к своей партнерше, риск проявлений физического, сек-

суального и эмоционального насилия по отношению к детям с его стороны также значительно возрастает (Farmer, Owen, 1995; Hiller, Goddard, 1990; Ross, 1996).

В некоторых случаях мать сама подвергалась серьезному физическому и/или эмоциональному насилию в детстве и в настоящем затрудняется утешить своего ребенка или обеспечить ему «контейнирование» его требований и ярости. Данная трудность может происходить из воспоминаний и опыта самой матери, к которым у нее нет доступа на сознательном уровне. В отрывке, приведенном в начале данной главы, описано, как идентификация матери с безутешно плачущим младенцем реактивирует ее собственный невыносимый детский опыт, приводя к применению ею насилия в попытке уничтожить источник возникшей вновь боли. После того как мать в бешенстве набрасывается на своего ребенка, ее «разум приходит на помощь» в том смысле, что диссоциация, психическая защита, оберегает ее от «воспоминаний о ее прошлом и памяти о том, что она только что сделала со своей маленькой девочкой, ребенком, которого она, возможно, хотела любить и защищать», как это красноречиво описывает Де Зулуэта.

Сильная идентификация матери со своим ребенком, а также неудачное протекание процесса психической дифференциации между ними, играют важную роль в возникновении ее насилия, равно как и ее идентификация с ее собственным «ужасным родителем», которым она впоследствии становится. То есть она видит себя в плачущем, беспомощном ребенке, не может вынести напоминания о пережитой ранее боли и вследствие этого ищет убежища в альтернативной идентификации, на этот раз со своим собственным агрессивным/ жестоким родителем. В этом вызывающем сильные чувства отрывке Де Зулуэта изображает некоторые из наиболее важных движущих сил и условий материнского физического насилия, в том числе сознательное желание женщины защитить своего ребенка (которое вступает в конфликт с ее бессознательным желанием причинить ему боль) и таким образом самой избежать идентификации с объектом, подвергшимся насилию, т. е. ребенком, делая выбор в пользу идентификации с агрессором.

В недавнем исследовании, проведенном в Германии, описывается роль этих проективных факторов в отношении нарушений эмпатического понимания и привязанности. Авторы описывают случай с одной матерью:

Восприятие ею своего младенца было искажено до такой степени, что в лице своего кричащего ребенка мать вновь переживала неожиданные столкновения со своей собственной навязчивой и травмирующей матерью. Она также воспринимала импульсивные движения младенца как физические атаки в свой адрес и выражала сильную тревогу относительно возможной будущей агрессивности своей дочери. Мать рассматривала младенца как необычайно, до опасной степени, жадного. Даже нейтральные инфантильные вокализации воспринимались ею как манипулятивные и садистичные. Она пыталась отогнать это беспокойство, применяя жесткую схему правил и одержимо контролируя взаимодействие отца и бабушки с ребенком. Мать боялась, что ее захлестнет волной потребностей ее дочери, если она применит гибкий подход, удовлетворяя их.

(Möhler et al., 2001, p. 257)

Классификации материнского насилия

Кеннеди проводит различие между тремя основными и частично перекрывающимися друг друга категориями женщин-наильников:

...«активная» женщина-наильник, которая является главной зачинщицей и непосредственно совершает это насилие; или

наильник-«соучастница», «подстрекательница», которая принимает участие в нападении на жертву, но не инициирует его напрямую, а вместо этого побуждает партнера совершить насилие; или же «отрицающая», которая не хочет верить, что ее партнер совершает насилие в отношении ее ребенка или детей. «Отрицающая», как и другие, также может быть запугана партнером. Хотя зачастую в действительно трудных случаях запугивание между партнерами является взаимным... Но в конце концов, вполне вероятно, что эти различия не имеют такой уж существенной объяснительной значимости, кроме того, они могут также создать ложное впечатление, что проявлять жестокость лично намного хуже, чем, скажем, отдать своего ребенка кому-то другому для совершения над ним насильственных действий. С позиции ужаса происходящего, выбора здесь практически нет, поскольку речь идет лишь о различных способах мучить ребенка.

(Kennedy, 1997, p. 109–110)

Проведенные в США изучение и анализ личностей преступников, совершивших насилие в отношении детей, выявили, что матери, либо лица, их замещающие, оказались виновными в 47,6 % случаев физического насилия, в то время как только 39,2 % случаев касались отцов или лиц, их заменяющих (Gil, 1970). Эта картина согласуется с более поздними исследованиями, по данным которых женщины с большей вероятностью совершают физическое насилие в отношении детей, чем мужчины (Gelles, 1980). Результаты других исследований указывают на соотношение примерно 50/50 между матерями и отцами, виновными в совершении физического насилия в отношении детей (например: Anderson et al., 1983). 90 % случаев насилия по отношению к детям совершается в доме, где ребенок проживает (Garbarino, 1976).

Наиболее интересный вывод этих исследований заключается не в том, что они указывают, что женщины нападают на детей в той же или даже большей степени, чем мужчины, а в том, что если женщины склонны проявлять насилие, то целями этого насилия гораздо чаще становятся члены их семей, включая детей. То есть женщины гораздо менее склонны к совершению насильственных действий в отношении посторонних для них людей, но когда они проявляют жестокость, целью становятся собственные тела и тела их детей. Данная шокирующая статистика свидетельствует о том, как много насилия направлено на детей со стороны людей, чьей заботе по совести и доброй воле они поручены. Факты, выявленные в ходе приведенных выше исследований материнского насилия, должны бросить вызов мифу о питающей и защищающей матери.

Садистичные матери

Наслаждение жестокостью

Важно учитывать те крайние случаи, когда матерям или лицам, их замещающим, судя по всему, нравится причинять страдания ребенку. В подобных ситуациях насилие – это не просто проявление неконтролируемого высвобождения накопленного напряжения и дистресса. Мать рассматривает своего ребенка как частичный объект, как вещь, которой можно манипулировать и которую можно использовать для своего собственного удовлетворения. Матери или лица, их замещающие, могут использовать свою сильную позицию наделенного властью над детьми взрослого, чтобы удовлетворять свои собственные потребности в контроле, достижении комфорта и возможности проявить жестокость.

Клинический случай

Мэриан, 41-летняя женщина, направленная для оценки психического статуса, более четырех лет принуждала своих двух дочерей придерживаться сурового, жестко регламентированного распорядка дня, заставляя их убирать дом и выполнять всю домашнюю работу по высшему разряду, а также переложила все свои родительские обязанности по воспитанию своего младшего ребенка, мальчика, на плечи старшей дочери. Мэриан хорошо выглядела, была умной и красноречивой женщиной, и ее дом был безупречным. Незадолго до нашей встречи она устроилась на работу на неполный рабочий день в агентство недвижимости. При этом она вела себя отстраненно по отношению к членам своей семьи и была хорошо известна местным службам, куда часто направлялась с целым рядом физических и психологических проблем, легко соглашаясь на каждое физическое вмешательство в свое состояние, но уклоняясь от любой предлагаемой ей психотерапии.

Согласно информации, предоставленной старшей дочерью накануне, в течение многих лет, незаметно для школьного персонала или кого-либо из соседей, Мэриан наказывала с применением суровых физических мер свою младшую дочь Агнес в тех случаях, когда девочка не соответствовала высоким стандартам своей матери в ведении домашнего хозяйства или же если мать находила ее поведение раздражающим. Мэриан также наказывала ее ремнем за недержание мочи, что происходило довольно часто. Агнес, которой на момент написания этой книги исполнилось восемь лет, была средней из троих детей Мэриан, рожденных от разных отцов. Мать поддерживала некоторую связь с отцом своей старшей дочери, но с отцом младшего ребенка не виделась после того, как тот оставил ее ради другой женщины. Отец Агнес был наркоманом, который покинул Мэриан вскоре после того, как она родила, и редко давал о себе знать. Мэриан было трудно почувствовать привязанность к Агнес и сблизиться с ней с самого ее рождения, вероятно, потому, что она идентифицировала дочь с ненадежной и разочаровывающей фигурой ее отца.

Казалось, Мэриан выбрала мишенью для своей ярости Агнес, а впоследствии и свою старшую дочь, которая часто пыталась защитить сестру, вставая между ней и матерью и рассказывая о происшедшем в их доме своей подруге, бывавшей у них в гостях. Подруга рассказала об этих подробностях в школе, работники которой в срочном порядке поставили в известность социальные службы. Подробное описание имевшей место жестокости было трудно вынести. Постепенно разворачивалась история о том, как Мэриан часто не пускала дочь в школу в течение нескольких дней, пока не проходили ее синяки, как она пинала, избивала, ежедневно ругала Агнес и совершала в ее отношении эмоциональное насилие. Агнес сорвалась, когда рассказывала социальным работникам об отношении к ней матери. Она была в должном порядке изъята у Мэриан вместе со своими братом и сестрой, и все трое были помещены под временную опеку по предварительному ордеру. Самый младший ребенок, мальчик, казалось, был любимым ребенком, однако им мать также пренебрегла, хотя он реже подвергался физическому наказанию с ее стороны. Старшая дочь сообщила о нескольких случаях физического насилия по отношению к себе, однако у нее была возможность убежать из семейного дома и проводить время со своим отцом, который, как она считала, защищал ее.

Отвержение и насилие ввергли Агнес в тяжелое диссоциированное и подавленное состояние, от которого она постепенно приходила в себя в приемной семье, рядом со своей защищающей и чрезмерно ответственной старшей сестрой. Но при этом она все еще жаждала от своей матери любви, заботы и признания своего «неправильного» поведения.

Можно понять психологию такого эмоционального и физического насилия с точки зрения попытки матери избавиться от глубоко неприемлемых чувств путем плохого обращения с другим человеком. Подобное насилие может быть рассмотрено как воссоздание происшед-

шего с самой Мэриан в ее собственном детстве, которое она описала как «полное пренебрежения» и эмоционально бедное, поскольку ее младшему брату отдавалось значительное предпочтение, в то время как сама она чувствовала себя неуклюжей и глупой, «несчастливым случаем» в семье, в противоположность долгожданному и заветному ребенку, ее брату.

Частые эпизоды словесного и физического насилия над Агнес казались Мэриан в какой-то степени захватывающими и опьяняющими, поскольку они позволили ей выразить свое разочарование и ярость, почувствовать силу и контроль над беспомощным и уязвимым ребенком. Агнес была выбрана на бессознательном уровне не только потому, что она была менее уверенной, напористой и привлекательной в глазах матери, чем двое других ее детей, но также и потому, что из-за этих уязвимых качеств дочери она видела себя в ней. Мэриан столкнулась с образом своего инфантильного Я и обнаружила, что эта идентификация невыносима. Свою дочь она видела «бесполезной», такой же, какой считали Мэриан ее родители, – в отличие от ее в высшей степени успешного брата. Чтобы избавиться от ужасного чувства своей никчемности, она переместила его вовне, в свою дочь, которую затем возненавидела и начала атаковать физически и вербально, практически не чувствуя угрызений совести. Когда она видела в глазах Агнес ужас и полное дурных предчувствий ожидание, это злило и возбуждало ее еще больше, отчего Мэриан подвергала свою дочь еще большему физическому и эмоциональному насилию. Агнес явно служила «контейнером с ядом» (deMause, 1990) для своей матери, что ярко иллюстрирует силу проективных механизмов, как основной движущей силы, лежащей в основе жестокого насилия в отношении детей.

В своем садистичном и жестоком насилии по отношению к Агнес Мэриан продолжала считать себя жертвой, а дочь – преследовательницей. Согласно предложенному Де Зулуэта объяснению причин насилия, Мэриан чувствовала, что ее дочь каким-то образом заставляла ее саму войти в контакт с собственной невыносимой болью. И единственным доступным для нее способом облегчить свое психическое напряжение было насилие.

Насилие в отношении детей, как и другие акты насилия и извращенного поведения, представляет собой порочный круг. Сильный удар или эмоциональная тирада в адрес ребенка избавляет взрослого от подспудного ощущения беспомощности, подавленности и пустоты, обеспечивая временный выход из этих невыносимых душевных состояний. Вскоре, однако, чувство вины и дистресс возвращаются, теперь усиливаясь осознанием того, какой вред насильник причинил другому человеку. Это чувство вины быстро забывается, поскольку выносить его слишком сложно, а сам акт насилия теперь уже оправдывается как вполне «понятный» ответ на невозможное поведение «плохого ребенка». Когда ребенок единожды подвергается жестокому обращению, «телесные границы» нарушаются, и повторять подобное насильнику становится все легче, а искушение поступать таким образом становится все сильнее. Ребенок превращается для матери в олицетворение ее собственных токсичных чувств и рассматривается скорее как преследователь, а не как жертва. Подобный вид объективации позволяет людям на протяжении длительного времени осуществлять нападения в разных ситуациях, включая военные действия, он также характерен и для жестокого насилия в отношении детей. Агнес воспринималась ее матерью как «ядовитое существо», на котором она могла срывать свой гнев.

Реакция Агнес на происходящее была полна все возрастающего чувства страха и отчаяния, и, поскольку ее мать сталкивалась с проективной идентификацией, согласно которой она воспринимала Агнес как существо ненавистное и презренное, девочка ожидала насилия в ответ на свои действия и никак не могла угодить своей матери. При существующей долгосрочной возможности возникновения отклонений в развитии ребенка, подвергающегося насилию, как и во многих случаях небезопасной привязанности, ребенок, с которым обращались сурово, даже безжалостно, все более отчаянно нуждается в любви и одобрении и принимает как должное ту жестокость, с которой с ним обходятся.

С течением времени Мэриан становилась все более безразличной к выражаемому Агнес отчаянию и боли; она эмоционально отстранилась от нее, не видя в ней страдающую личность, а лишь используя дочь как объект, на который можно проецировать свои собственные разочарование и гнев. Тем не менее Мэриан нуждалась в этом ребенке как в проективном контейнере для своих токсичных чувств. Переживание своей собственной силы и власти обеспечивало Мэриан временное избавление от ее внутреннего ощущения пустоты, предлагая захватывающее, хотя и недолгое облегчение. Она сама признавала, что чувствовала облегчение и радость, после того как наказывала Агнес, видя, как дочь тянется за ее любовью, несмотря на то что мать устроила ей «взбучку». Поскольку уровень осознанности Мэриан был очень низким и боль от признания правды, заключающейся в обвинениях ее детей против нее, очень велика, она предпочла отделиться от них, рассматривая их всех как предателей и лжецов. Она снова разместила свои неприемлемые чувства в них, а не в себе самой, освобождая себя от виновности и вновь преобразаясь в жертву, покинутую теми, кому она доверяла.

Роль свидетельских показаний эксперта

В контексте сложной британской правовой базы судебных и детских клинических психологов, психиатров, социальных работников, других специалистов по медицине и уходу за детьми часто просят выступить в качестве независимых экспертов и представить суду свои клинические заключения и рекомендации. Роль свидетельских показаний эксперта в делах по защите детей отягощена рядом факторов этического, профессионального и личного характера. Эдсхед отмечает, что «страдание и беспокойство по поводу жестокого обращения с детьми влияют на всех участников процесса свершения правосудия и могут исказить его ход» (Adshead, 2005). В своей статье, посвященной защите профессора сэра Роя Мидоу, который был исключен из Реестра Генерального медицинского совета в 2005 г., прежде чем апелляция о его восстановлении в должности была выиграна, редактор «The Lancet» Ричард Хортон описывает характер проблем, с которыми сталкиваются эксперты, подтверждающие факты насилия:

В докладе 2003 года, посвященном смерти Виктории Климби, лорд Лэминг зафиксировал свидетельства, которые доказали, что ненадлежащее и жестокое обращение «является самой главной причиной заболеваемости среди детей». Он продолжил: «Кажется очевидным, что, рассматривая вопрос о намеренном причинении вреда детям, нужно иметь в виду, что речь идет не просто о крайних случаях, которые иногда приводят к проведению публичных расследований, таким как это, но и об огромном количестве случаев, в которых здоровье и развитие детей ухудшаются в результате жестокого обращения... И я практически уверен, что масштабы этой проблемы превышают масштабы таких распространенных проблем со здоровьем у детей, как диабет или астма».

Риторика доклада Лэминга является понятной и однозначной, но вызывающей глубокую обеспокоенность в обществе. Эта риторика, по-видимому, вызывает такое беспокойство при столкновении с ней в силу того, что она до сих пор в значительной степени замалчивается в нашем обществе. И поскольку дети признаются в той же степени заслуживающими нашей защиты, как и взрослые, а также они должны быть защищены от вреда, который могут причинить те же самые взрослые, родители неизбежно попадают под подозрение в насилии. А это означает, что будут заданы сложные вопросы, собраны доказательства и выдвинуты профессиональные добросовестные суждения. Неизбежно будут случаи, когда первоначальные подозрения окажутся безосновательными. Но если дети по-настоящему защищены теми же законами, что и взрослые, общество должно принять тот неудобный факт,

что будут и случаи, когда действия родителей подвергнутся расследованию, и иногда их можно будет обвинить в неправомерном нанесении вреда своему ребенку. Педиатры должны быть способны озвучить опасения, касающиеся безопасности ребенка, не беспокоясь о том, что они сами станут предметом расследования и встречного обвинения со стороны ГМС.
(*Horton, 2005, p. 277*)

Эксперту в сфере психологии и психиатрии, выступающему в качестве свидетеля в суде, часто приходится встречаться с просьбами оценки пригодности родителей к психотерапии, и этот вопрос, поставленный в контексте судебных разбирательств по делам опеки, носит порой безотлагательный характер, что может негативным образом сказываться на обычных клинических соображениях относительно целесообразности психотерапевтического вмешательства. Родители посещают эти интервью с ожиданием, что характер мнения эксперта определит решение о будущем их детей, и, действительно, «эксперт» может ощущать, что его или ее поставили в положение всеведущего. Как описывает Хортон, хотя мнение экспертов запрашивают достаточно часто и, как правило, к нему прислушиваются, недавние споры по поводу оснований для экспертного заключения, как и в случае делегированного синдрома Мюнхгаузена, подняли вопросы ложного чувства всеведения со стороны экспертов и чрезмерной зависимости решений от экспертных показаний в судах.

Дискредитация экспертов обсуждается далее в главе 4 и касается всех случаев гражданского и уголовного судопроизводства. Конечная судьба ребенка, попавшего в систему опеки, является неопределенной, и это налагает огромную ответственность на профессионалов в области психического здоровья, поскольку они должны как можно осторожнее и точнее оценить степень того риска, с которым ребенок сталкивается дома, принимая во внимание, что отделение от любимого, пусть даже жестокого либо пренебрегающего родителя практически всегда будет травмировать детей. Родители могут согласиться на лечение, чтобы облегчить реабилитацию своих детей. От терапевтов, предлагающих лечение, могут потребовать отображать прогресс в отчетах, подготавливаемых для судебных разбирательств, что иллюстрирует обусловленное характером этой работы противоречие между необходимостью соблюдать конфиденциальность и обязанностью защищать интересы детей. Существует также мощный элемент принуждения в тех случаях, когда родители соглашаются на терапию в контексте судебных разбирательств по делу опеки над их детьми. Это неизбежно играет определенную роль в формировании переносов в терапии и оказывает влияние на ее ход.

Данное описание роли свидетельств эксперта в делах по вопросам опеки над детьми иллюстрирует, насколько интеллектуально сложной и эмоционально нагруженной может быть задача подготовки оценок для суда. Судебный психотерапевт может сталкиваться с тем, что от него потребуется взять на себя роль адвоката или оппонента родителей, и он изо всех сил будет пытаться сохранить свой профессиональный нейтралитет. Фантазии о собственном избавительном всемогуществе и спасении подвергшихся насилию детей или пострадавших родителей могут помешать формированию объективных и независимых клинических суждений, которые обычно надо принимать в срочном порядке.

При составлении для суда любой психологической оценки состояния родителей психолог должен помнить, что важнейшим соображением в судебном разбирательстве является благополучие ребенка. Это само по себе может создать ситуацию своего рода вызова, когда терапевта просят рассмотреть ситуацию клиента по отношению к кому-то еще и сосредоточиться на вопросе риска для других. Тот факт, что всегда есть третья сторона, которая должна быть рассмотрена, а также идет оценивание собственных потребностей и трудностей клиента, создает определенную напряженность во время интервью, равно как и ограниченная степень предоставляемой клиенту конфиденциальности, что обусловлено подготовкой отчета для суда.

Мать, которая либо сама виновна в нанесении ребенку несчастных травм, либо не смогла защитить ребенка от травм, нанесенных ее склонным к насилию партнером, может проходить оценку своего состояния отдельно от него. К числу главных вопросов, которые просят рассмотреть психолога или другого специалиста в области психического здоровья, относится, в частности, вопрос риска, которому подвергается ребенок либо дети, оставшиеся на попечении такой матери (учитывая сбор данных по несчастным травмам в семье), психологические характеристики матери, ее пригодность к психотерапии и ее мотивированность пройти обследование, а также возможные последствия разлучения детей с матерью. Оценка фокусируется на способности матери защищать своего ребенка, понимать его потребности в безопасности и благополучии, а также на уровне импульсного контроля, способности ставить удовлетворение потребностей ребенка выше своих собственных и понимать необходимость изменений.

Пересечение между частной сферой женской власти и общественной ареной правового вмешательства и контроля четко проявляется в тех случаях, когда суды рассматривают будущее семьи и продолжение контактов матери и ребенка. Эмоциональный эффект, который оказывает на матерей признание их неспособными осуществлять уход за своими детьми, и психологический ущерб, наносимый детям, которым разрешено оставаться под опекой своих склонных к насилию матерей, в сравнении с эмоциональными последствиями разлучения с ними – вопросы тонкие и сложные. Фоном этой дискуссии является повсеместно распространенный миф об идеальной матери, с образом которой сопоставляется все остальное (Motz, 1997). Следует, однако, отметить, что большое количество случаев насилия в отношении детей не рассматривается судами, и многие совершающие его родители никогда не будут выявлены. Самоотчеты наших клиентов свидетельствуют о фактах серьезного раннего физического и эмоционального насилия, которые остаются незамеченными в жизни многих людей, некоторые же из них продолжают повторять эти модели поведения и со своими детьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.